

АРТЕМ ШЕЙНИН

ДЕСАНТНО-ШТУРМОВАЯ БРИГАДА

НЕПРИДУМАННЫЙ АФГАН

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ

Необъявленные войны

Артем Шейнин

**Десантно-штурмовая бригада.
Непридуманный Афган**

«Яуза»

2015

Шейнин А.

Десантно-штурмовая бригада. Непридуманный Афган /
А. Шейнин — «Яуза», 2015 — (Необъявленные войны)

Эта книга – «непридуманные истории» бойца 56-й десантноштурмовой бригады, воевавшего в Афганистане в 1984–1986 гг. Это – «окопная правда» последней войны СССР. Вся правда о жизни и смерти «за речкой». О том, «какой звук издаёт пуля, врезаясь в песок или камень около твоей головы». О том, каково это – «подняться и пробежать под градом «духовских» пуль эти грёбаные 10 шагов». О том, как война «вытаскивает всё самое светлое и самое смрадное, что есть в каждом из нас». О том, что «после Афгана мы никогда уже не будем собою прежними...».

© Шейнин А., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Предисловие. Я вернулся с войны	6
Глава 1. Афганистан как предчувствие	9
Эпизод первый. Дед	10
Эпизод второй. Минжин	13
Эпизод третий. Война	15
Эпизод четвертый. Доктор	17
Эпизод пятый. Военком	20
Эпизод шестой. Дядя Толя	22
Эпизод седьмой. Рома	23
Эпизод восьмой. Термез	25
Эпизод девятый. Прыжки	26
Эпизод десятый. Вася – «афганец»	28
Эпизод одиннадцатый. Проводы	31
Эпизод двенадцатый. Туда!	34
Глава 2. Фергана	39
Эпизод первый. «Гуляка»	41
Эпизод второй. «Я иду тебе навстречу»	45
Эпизод третий. «Уносишь ты меня, скажи куда...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Артем Шейнин
Десантно-штурмовая бригада.
Непридуманный Афган

© Шейнин А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Предисловие. Я вернулся с войны

– Что это за страна? – воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. – Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие мальчиши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово...

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А. Гайдар. «Мальчиш-Кибальчиш»

Главный Буржуин еще многого не знал, а то восклицал бы куда громче и с куда большим удивлением и про «эту страну», и про «мальчишей».

Он представить себе не мог, что может творить и творит эта удивительная страна со своими верными «мальчишами». И уж совсем не понять ему того, что, даже несмотря на это, остаются эти «мальчиши» такими же преданными и верными, готовыми для нее на все...

«Мальчиш», воспитанный в этой стране с ее системой во всей красе и величии, я с детства спал и видел как бы это мне так подвернулась возможность проявить свой «мальчишизм» на благо страны любимой...

Так что я не только не боялся, но хотел в армию. Более того, я не просто хотел в армию, а мечтал о тех войсках, где уж точно всегда «есть место подвигу» – о ВДВ. А узнав, что есть возможность попасть на войну, я места себе не находил от мысли, что могу туда НЕ попасть...

Именно в силу своей готовности и желания служить я оказался менее готов к той части «тягот и лишений воинской службы», которые были проявлением этой необъяснимой, темной, запредельной, алогичной и нерациональной, в плохом смысле парадоксальной стороны нашей любимой Родины.

И армии, как неотъемлемой ее части. И если ко всем этим «прелестям» в армии как таковой я был еще хоть как-то готов, то просто трагически не готов оказался к тому, что все это будет присутствовать и на войне. И не просто присутствовать, а расцветать буйным цветом. Будучи особо заметным на фоне не придуманного пропагандистами и режиссерами, а вполне реального величия духа, армейской, мужской дружбы, боевого братства...

Наверное, именно в силу этой своей «неготовности», попав в Афган, на войну, я с самого начала задавался множеством вопросов. И мучился, не находя на них ответов. Точнее, с самого начала-то я просто мучился, даже не понимая толком отчего, – сформулировать это я был тогда не в состоянии.

Так что ВОПРОСЫ я сформулировал только теперь. Тогда они ни разу не были мною ни произнесены, ни даже подуманы. Так что все эти «почему» и «как же так» – это произнесенные мною сегодня вопросы себя тогдашнего. Они сидели во мне все эти годы. Я должен был ответить на них тому наивному 18-летнему мальчику, но – наверное, еще лет 20 после той моей войны – был к этому не готов. Потому что даже сейчас многие из этих вопросов и ответы на них произносить больно и обидно...

Больно и обидно прежде всего потому, что, по большому счету, мало что изменилось с тех пор. Любимая Родина неизменно, несмотря ни на что, рождает и рождает, воспитывает и воспитывает преданных и верных «мальчишей». И с неизменным постоянством продолжает их ломать, корезить, подставлять, бросать и забывать... А они – поколение за поколением – по-прежнему продолжают любить ее, бесстрашно бросаются за нее в бой и, не задумываясь, отдают за нее жизнь. Будто бы и не знают и не видят, как получилось с другими «мальчишами», до них...

Не прошло и 10 лет после нашего Афгана, как очередная порция «мальчишей» оказалась в Чечне... Уж, казалось бы, ладно мы – дети конца 70-х – начала 80-х, выросшие за железным занавесом и на игле гениальной советской пропаганды... Но уж у парней, взрослых в конце 80-х – начале 90-х, какие могли остаться иллюзии? Их-то что сделало «мальчишами»?

И уж в мясорубку-то их кидали почище нашего, и предавали-подставляли, как нам и не снилось... Ан нет – все то же самое. «Когда страна прикажет быть героем...»

И ведь мало того – спустя еще пять лет уже новые «мальчиши», уже знавшие ВСЕ без прикрас о судьбе первых «чеченцев», все также взмахнули сабельками и рванули на очередных «злых буржуинов», на которых указала «любимая Родина»...

Может, именно поэтому и правда победить нас никому не дано? Может, именно ЭТО и делает нашу страну такой? Может, поэтому ничего и никогда здесь не изменится? А может, и не надо? А если надо, то как?

Собственно, моя книга во многом и появилась как попытка (порой мучительная) понять, что это было и почему ТАК бывает... Именно поэтому, формулируя в этой книге вопросы от лица себя тогдашнего, описывая свою жизнь, переживания, иллюзии и расставания с ними, я, как мне кажется, пытаюсь понять мою страну и эту часть ее социальной культуры и ее менталитета.

Поэтому эти рассказы не про войну как таковую. Они скорее про то, что происходило в душе и в мозгах 18-летнего мальчика, романтика, оказавшегося на войне. Как война, на которую он мечтал попасть, оказалась совсем не тем, о чем он мечтал...

Уже сотни и сотни лет одно и то же происходит с мальчиками, мечтающими о войнах, высоких подвигах и светлых идеалах. Но ведь правда и то, что все эти сотни лет, попадая на войну и расставаясь со своими иллюзиями, эти мальчишки понимают что-то новое и про жизнь, и про свое место в ней.

Что-то такое, чего они, пожалуй, не узнали и не поняли бы, проживи свою жизнь по-другому...

Тем, кто любит «про войнушку», не стоит, наверное, читать эти рассказы. Она там, конечно, есть, но без описаний батальных сцен, взрывов, летящих пуль, обстрелов, рукопашных. Я бы никогда не стал писать книгу о войне только ради этого. Я преклоняюсь перед теми, кто может «вкусно» описывать войну, особенно ТАКУЮ войну. Мне не по силам даже найти слова для описания звука, что издает пуля, врезаясь в песок или камень около твоей головы. Я не забуду этот звук никогда, но максимум, на что способен, – попытаться передать свои ощущения в этот момент и после... а что еще я знаю наверняка кроме этого? Кто и зачем выпустил эту пулю? Много ли я понимаю о том, зачем и почему в это время и в этом месте оказались я и тот, кто в меня стрелял? Ничего...

У каждого война своя. Один и тот же бой абсолютно по-разному воспринимается молодым «шнуром», спрятавшим голову за камень и «поливающим» в белый свет, как в копеечку, выставив наружу только автомат, и опытным дембелем, деловито «выцепляющим» среди дувалов башки бородатых мужиков в чалмах.

Совершенно по-разному видят его юный 22-летний «летюха»-взводный, пробывший на войне меньше, чем его подчиненные, и «зрелый» 25-летний «старлей»-ротный, который уже знает, что такое писать похоронки матерям...

Совершенно по-разному вспомнят одну и ту же операцию комбат, до хрипоты сорвавший на жаре голос, командуя своими вымотанными от ночного марша по горам ротами, прилипшими под огнем духов к каменистым склонам, и холеный генерал, размашисто рисующий на карте стрелки в тени маскировочной сетки, попивая ледяной лимонад...

Для меня война – это то, что происходит в наших мозгах и душах. Именно про эту «свою» войну я и написал. И все «внешние» события происходят в моих описаниях лишь постольку, поскольку они стали частью моего внутреннего мира, повлияли на меня сегодняшнего, задаю-

щего вопросы и ищущего на них ответы. Именно поэтому я не придерживался какой-то особой «сюжетной линии», в некоторых рассказах «возвращаясь» к себе сегодняшнему. Хотя хронология событий в книге все же соблюдена.

Для меня главное – война внутри. Война как сотни тысяч, миллионы отдельных маленьких войн, идущих в душах и головах каждого воюющего, будь он самым отчаянным и безбашенным «рубакой» или тихим и незаметным «средняком». И при этом по «большому», жизненному счету не так уж важно, кто как именно воевал: будучи прекрасным воином, можно в итоге проиграть «свою» войну. Ту самую, которая «внутри» тебя...

А еще одна задача, может быть, самая непростая – вернуться с войны...

Глава 1. Афганистан как предчувствие

апрель 1984, Москва

– Ну-ну, попутного ветра, Лопух. Стране нужны герои!

Капа, мой одноклассник, иронично глядит на меня из-под копны волос цвета спелой пшеницы. Лопух – это я, такое прозвище у меня среди одноклассников. Как оно возникло, объяснять долго, да и бессмысленно. Ведь Лопухом мне осталось быть всего два дня. Сегодня суббота, 21 апреля. А в понедельник мне в армию.

Я ухожу первым из класса.

Капа – вторым. У него уже на руках повестка на 30-е. Поэтому разговор, естественно, про армию и про то, куда «пошлют».

Я мечтаю, чтобы послали в ВДВ и в Афганистан. А Капа, как обычно, прикалывается над моим «беспросветным романтизмом».

– Лопух, уже дети должны в яйцах пиццать, а у тебя все «Пионерская зорька» в жопе играет! На хрен тебе это все нужно?!

Подобные «диалоги» в последнее время возникают у меня со многими ровесниками. Да и вообще с окружающими «нормальными людьми».

Точно так же они недоумевали в феврале.

От военкомата меня отправили на 10 дней на прыжки с парашютом. Прыгнув три раза на аэродроме ДОСААФ в Волосово, я вернулся вне себя от счастья, считая, что это уже вполне гарантирует мне попадание в ВДВ.

– На хрен тебе ВДВ? Ты и так ебнутый на всю голову со своим Афганом! Мать бы пожалел...

Кто-то говорит это открыто. Та же Женька, которую я считаю своей девушкой, в отличие от нее самой. Для нее я просто друг. С которым, так вышло, она живет, конечно, в одной комнате со всеми вытекающими, но это еще ничего не значит. Во всяком случае, не для нее.

Кто-то выражается не так прямо, но и не спешит разделить мой восторг и мое рвение. Подозреваю, что до поры многие воспринимали это как некую мальчишескую бравладу.

Про Афган мы все знали немного. Но достаточно, чтобы понимать – «интернациональный долг» заключается совсем не в строительстве школ и посадке деревьев, как пишут газеты в нечастых статьях про Афганистан.

И совсем не с радостными благодарными школьниками и крестьянами приходится там иметь дело нашим солдатам, которых мы видим в еще более редких репортажах по телевизору.

Но теперь Капа понимает, что дело не в бравладе.

Завтра мои проводы. И я с большой вероятностью попаду-таки в десантуру.

А вот с ДРА¹ у меня «проблема». Собственно, о ней мы и говорим.

Проблема в том, что отца у меня нет и у матери я один. И поэтому я переживаю, что на войну меня могут не взять. И поэтому же Капа недоумевает, почему я так туда рвусь...

Не знаю, как ему объяснить, – я почему-то просто уверен, что это – мое.

Предчувствие, предчувствие...

---

¹ ДРА – Демократическая Республика Афганистан. Тогда эта страна так называлась.

Эпизод первый. Дед

Когда Афганистан появился в моей жизни, знаю с точностью до дня.

То есть до этого тоже знал, что есть такая страна, но частью МОЕЙ жизни он стал только в этот день, хотя тогда я еще не мог этого понять.

Вечером 5 декабря 1979 года мой дед, как обычно, крутил ручку настройки своего транзистора ВЭФ-202.

Как обычно, сражался с глушилками, забивавшими «вражьи голоса».

И вот в какой-то момент он их обхитрил. И сквозь завывание и хрип стал слышен говоривший с легким акцентом голос.

Дед в совершенстве владел немецким, неплохо понимал по-английски.

Это позволяло ему слушать «вражьи голоса» на их родных языках.

Но иногда, то ли для сравнения, то ли из азарта, он слушал их, точнее пытался слушать по-русски. Получалось не всегда. Глушилки свое дело знали...

Правда, в этих случаях он все равно всегда выгонял меня из комнаты. В конце 70-х это вряд ли могло чем-то серьезным угрожать и мне и ему. Но инстинкты того поколения вырабатывались в конце 30-х...

Когда за такое «любопытство» можно было уехать очень далеко и надолго. И без гарантии вернуться.

Так что даже теперь, в «эпоху расцвета социалистической демократии», дед страховался и берег меня.

А я обижался. Мне было почти 14. Моей любимой книгой была пятитомная «История дипломатии». Я читал «международные» полосы газет и регулярно смотрел «Международную панораму». Был политинформатором класса.

В отличие от своих одноклассников, которым мало что говорила даже фамилия Сталин, два-три раза упоминавшаяся в наших учебниках истории, я знал, кто такие Троцкий, Бухарин и Берия.

Знал от деда.

В 20-х он окончил факультет международных отношений МГУ и успел даже поработать с Чичериним. В МИДе работал до 1937-го... Работал на Западе, в Германии, в Италии...

Потом на много лет стал «невъездным», а после войны и подавно «уехал» на много лет далеко на восток. И совсем не дипломатом. Лесорубом...

Дед воспитал меня вместо отца. Интерес к политике я перенял от него.

Тем обиднее было, когда он не давал мне слушать «голоса».

Но в этот день все «совпало» – дед слушал их по-русски, глушилки «не доглядели», я оказался рядом, а он меня не прогнал.

И я услышал, как слишком старательно выговаривающий русские слова голос поведал об имеющихся веских основаниях ожидать в ближайшем будущем вторжения советских войск в Афганистан.

Слова «вторжение» и «советские войска» рядом воспринимались как-то странно. Ведь мы никогда никуда не вторгались – всегда всех только освобождали и защищали. А вторгались империалисты и их пособники. Чтобы поработать и угнетать.

Я смотрел на деда с удивлением и недоумением.

Но он словно не замечал меня. А может быть, правда – не замечал...

Дед грустно и задумчиво покачал головой и долго еще сидел потом молча, обхватив ее руками. Он часто так сидел...

Дед вообще был немногословен и задумчив – четыре года войны и потом семь лет лагерей по 58-й статье не располагали, видимо, к разговорчивости.

Я тогда этого не понимал, но инстинктивно в такие моменты к нему не лез.
На мой безмолвный вопрос он в тот день так ничего и не ответил.

Он вообще на него мне так никогда ничего и не ответил.

Потому что через два дня, 8 декабря, дед умер...

Я так и не узнал, что думал главный тогда в моей жизни человек про Афганистан и наше туда возможное вхождение.

Так и не понял, почему он так грустно качал головой...

Ведь не мог же он тогда знать, что...

Или мог?

Не знаю...

Может, встретимся когда-то – спрошу, о чем он думал 5 декабря 84-го.

Но именно в тот день Афганистан вошел в мою жизнь. Как оказалось – навсегда.

Я впервые прикоснулся к тому, что станет главным «пунктом» моей биографии, во многом «сделает», сформирует меня сегодняшнего. И почти одновременно из моей жизни ушел дед, который «делал» меня первые 13 лет.

Наверное, вдвоем им не было места в моей судьбе. Проживи дед еще года три, и я вряд ли рвался бы в Афган. Я бы о другом мечтал, другим восторгался, по-другому учился...

Но видно, мне именно это было «написано».

И потому-то, наверное, одновременно с появлением «афганской темы» закончилось и мое воспитание дома. Мама много работала, чтобы прокормить нас двоих, да и сам я скоро начал потихоньку зарабатывать и уже не особо к ней прислушивался. Любил, уважал, но делал больше по-своему.

То, чем 13 лет занимался дед, продолжили школа, улица, работа.

И «советская пропаганда».

Точнее, то, что сейчас принято так называть, часто с негативным оттенком.

Хотя теперь-то я понимаю, что многим из нас удалось пройти то, что нам выпало, именно благодаря стержню, который дала эта самая «пропаганда».

Мы искренне гордились своей Родиной, искренне считали, что СССР – самая лучшая страна в мире. Искренне любили ее и сочувствовали тем, кого угораздило родиться в какой-нибудь Америке.

У нас было много чем гордиться.

И среди этого многого непостижимой громадой возвышалась ПОБЕДА.

Воевавшие были еще нестарыми людьми. Их было много, и от этого ощущение, что это победили ВСЕ МЫ, было вполне реальным.

А фильмы про войну рождали эффект соучастия и присутствия.

Я любил их и смотрел все по многу раз.

Дед еще был жив, когда вышел совместный советско-американский 20-серийный документальный фильм «Великая Отечественная». В американском варианте – «Неизвестная война».

Каждую неделю мы с дедом шли в «Октябрь» смотреть очередные две серии.

Плохо помню содержание отдельных серий, но навсегда запомнил, как смотрел эту черно-белую хронику дед. Я никак не мог понять, почему иногда у него начинали дрожать губы и подбородок, а по морщинистой щеке сбегала слезинка.

Почему он плачет? Ведь мы же победили! Мы же выиграли войну!

Я не спрашивал – понимал, что должна быть серьезная причина, чтобы заплакал этот обычно невозмутимый, много повидавший человек.

Он немного успел рассказать мне про войну – я был слишком мал.

Но благодаря ему война стала для меня гораздо большим, чем просто история. Это было что-то личное, но я не знал что.

А потом понял.

Как-то в очередной раз смотрел «Белорусский вокзал», где в финале идут кадры хроники – на Белорусском вокзале встречают фронтовиков. Я всегда любил этот момент: благодаря песне Нины Ургант с экрана передавалось это невероятное ликование победителей.

«Одна на всех, мы за ценой не постоим...»

И вдруг я поймал себя на мысли, что ЗАВИДУЮ им. Этим усатым дядькам, которые подбрасывают в воздух детей и смачно целуют подбегающих женщин.

Завидую тому, что мне НИКОГДА не суждено вот так возвратиться с войны.

Никогда не пережить самому ЭТО ликование...

Может быть, еще и поэтому так запомнилась мне услышанная в начале декабря 79-го фраза про возможный ввод советских войск в Афганистан.

От нее веяло войной.

Войной, на которую я «успевал».

Эпизод второй. Минжин

Впрочем, поначалу я воспринял непонятную реакцию деда скорее как сомнение, что то, о чем сказали «голоса», вообще возможно.

В конце декабря, числа 28-го, наверное, мы с друзьями были в гостях у одноклассницы, дочки монгольского дипломата.

Посольство Монголии было недалеко от нашей школы, и дети многих дипломатов учились в ней. Хотя школа была даже не «спец», а вполне обычная, «рабоче-крестьянская», как мы шутили.

Звали девочку Минжин, и был я в нее по-мальчишески влюблен.

А как обратить на себя ее внимание, не знал.

И вот мы что-то там веселимся, «Boney M» какой-то играет, танцы-шманцы... И вдруг входит Минжин и говорит, что в Афганистан вошли советские войска.

Так и сказала «вошли»...

Все слегка остолбенели от такой новости. И тут я решил, что мой час настал, и очень «авторитетно» заявил, что это все фигня и что об этом я еще раньше слышал по «западному радио». И что это, мол, они все нагнетают, гады. Однако ожидаемого эффекта мое выступление не произвело, поскольку Минжин спокойно возразила, что узнала об этом не из «голосов», а от папы.

Авторитет папы-дипломата явно перевешивал мой авторитет политинформатора класса. И мне ничего не оставалось, кроме как пробурчать что-то вроде «все равно, фигня это все»...

Но когда после зимних каникул мы вышли учиться, темой первой же моей политинформации уже был как раз «ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан для оказания братской помощи дружественному афганскому народу в отражении возможной империалистической агрессии».

«Моя война» становилась все более реальной...

В течение следующих двух лет вести из Афганистана приходили редко, и все больше в виде статей про то, как воины-интернационалисты строят школы. К статьям прилагались фотографии наших радостных солдат и не менее радостных афганцев и при виде этих взаимных улыбок в реальность «империалистической агрессии» как-то не верилось.

Тем не менее войска из Афганистана почему-то не уходили.

И чем больше они строили в Афганистане школ и сажали деревья, тем меньше верилось, что занимаются они именно этим. Кого как, а меня эти сомнения только радовали...

После смерти деда «голоса» я не слушал.

Сначала как-то не решался притронуться к его транзистору. Потом никак не мог справиться с настройкой, а вскоре старый ВЭФ совсем умолк. Так умирает старый верный пес вслед за хозяином.

Источников альтернативной информации у меня не стало, а покупать новый приемник было не на что. Да и магнитофон стал для меня куда более насущной мечтой.

Так что происходящее в Афганистане на самом деле оставалось непонятным.

Но поползшие со временем разговоры про «цинковые гробы из Афгана» эту «непонятку» раскрывали вполне определенным образом.

В январе 82-го я отмечал 16-летие. В гости пришла Минжин, которая к тому времени уже училась в спецшколе. Так что виделись мы редко, но отношения теплые сохранили. Хотя и чисто дружеские по-прежнему.

И вот, по-дружески подтрунивая надо мной, она вспомнила, как два года назад мы поспорили из-за Афганистана:

– А теперь там уже два года идет настоящая война.

Так и сказала – «война».

Может быть, что-то стерлось из памяти, но я не помню, чтобы до этого кто-то произносил вслух это слово, говоря про Афганистан.

Эпизод третий. Война

Многие догадывались, что там происходит и откуда берутся цинковые гробы. Но для нас, родившихся и выросших в СССР, со словом ВОЙНА были связаны слишком определенные ассоциации.

Во всяком случае, когда речь шла о нашей стране.

А Минжин родилась в Монголии, где не было Великой Отечественной. А лет до 9 росла в Нью-Йорке, где знали только про Вторую мировую. Которую, при этом еще они, американцы, в основном и выиграли.

И теперь, живя в Москве, она со всей непосредственностью назвала вещи своими именами. Более того, видимо, «своими именами» у них дома называли многое. Иначе чем еще объяснить следующее выданное ею «откровение»:

– Эти дураки непонятно зачем посылают на смерть молодых солдат.

Под «этими дураками», видимо, подразумевалось наше руководство. Но даже не эти слова поразили нас с ребятами больше всего. Хотя и очень уж непривычно звучали они, сказанные вслух.

Почему-то произнесенные тоненьким, нежным голоском Минжин слова про два года войны, на которой убивают НАШИХ молодых солдат, произвели на меня куда большее впечатление, чем все «шепоты» про «цинки» до того.

Пожалуй, именно в тот день идущая в Афганистане война и предстоящая мне служба в армии плотно совместились в моей голове.

До армии оставалось два с небольшим года. Я не питал иллюзий по поводу поступления в те институты, которые были мне интересны, – ИСАА МГУ, МГИМО.

Туда нужно было сдавать английский, который я знал вполне прилично для общеобразовательной школы, но совершенно недостаточно для «серьезного» вуза.

Денег на репетитора не было. Как не было и блата, без которого то же вряд ли было реально поступить туда, куда мне было интересно. А поступать туда, куда было не интересно, как-то не хотелось. Да и не было это особо в духе того времени. Во всяком случае, как я его понимал.

Как не было в духе времени рассматривать призыв армию как конец света.

Вопроса, в каких войсках служить, у меня не возникало уже очень давно.

Мне было 7 лет, когда перед ноябрьскими праздниками у нас в доме появился первый телевизор. Маленький, чернобелый, но все равно – чудо.

И среди первого, что я увидел, благодаря этому чуду, был парад на Красной площади.

Министр обороны объезжал коробки парадных расчетов разных родов войск. На его приветствие они отвечали дружным «Ура-а-а!»

И вот министр остановился перед строем парней в тельниках и беретах.

– Вот они, красавцы! – сказала бабушка.

– Здравствуйте, товарищи десантники! – гулко разнеслось в морозном воздухе приветствие министра обороны.

Так я узнал, как называются «красавцы».

«Ура-а-а!» – разнеслось над Красной площадью их ответное приветствие. Безусловно, самое дружное и бодрое.

Я почти не помню бабушку – больше по ощущениям, чем по каким-то фразам. Но эти ее слова про «красавцев» врезались в память навсегда.

Вот так, наверное, и складывается часто судьба. Наша и наших близких. Из таких вот сказанных невзначай слов.

Потом уже я узнаю, что береты у «красавцев» голубые, как и полоски на тельниках.

Потом, когда, став чуть старше, буду выбегать сразу после трансляции парада на Садовое кольцо, где шла выходящая из города техника. И с нетерпением ждать проезда кургузеньких бээмдэшек с гордо сидящими в них парнями в странных шлемах и с автоматами без прикладов.

Но начало всему этому положит одна бабушкина фраза в ноябре 1973 года.

И именно эта фраза задолго до армии определит, где я хочу служить.

Ну а к январю 1982-го уже выучен наизусть фильм «В зоне особого внимания». Уже не раз и не два отсмотрен «Ответный ход».

Вопрос о том, какие войска лучшие, – не стоит. Вопрос только, как попасть туда...

Но только фраза, сказанная Минжин, связала в моем сознании мечты о ВДВ и осознание того, что это еще и самый верный путь на войну.

Именно с этого времени все мысли о будущей службе в армии стали мыслями про ВДВ и Афганистан.

Кто-то скажет: «Романтичный идиот!»

Не стану ни возражать, ни спорить.

Отголоски пионерского бабушкиного детства и комсомольской юности деда?

Наверное.

Но про себя я знаю одно: в МОЕМ случае именно ЭТОТ «романтизм» и именно ТАКОЕ наследие помогли мне ВЫЖИТЬ и УСТОЯТЬ в той реальности, до которой в январе 82-го оставалось два с небольшим года.

Да и вообще, сколько бы мы ни стебались порой над «пионерской зорькой», которую впихивали в наши головы в советское время, лично я уверен, что во многом благодаря ТОМУ воспитанию и в Афгане большинство не скуksились. И даже на Чечню еще хватило «запала» – это ведь генералы некоторые там обосрались, а солдатики да летюхи со старлеями сдюжили.

Потому как успели еще пожить в то время, когда «Офицеры» и «В зоне особого внимания» были культовыми фильмами, а слово «армия» не было страшилкой для малышей.

Ладно, завязываю с пафосом. Тем более, может, я и не прав.

Продолжу о том, что знаю.

Эпизод четвертый. Доктор

Быстро пролетел девятый класс, вот уже и десятый скоро закончу.
Я еще школьник, но 1983 год многое предрешит и в моей армейской судьбе.
Армия уже «присматривалась» к нам, призывникам весны 1984 года.

Весной 83-го, перед очередной медкомиссией в военкомате, объявили: признанные сто-процентно годными получают шанс выбрать войска, где служить.

То есть выбрать «элитные» ВДВ, морскую пехоту, пограничные или флот.

Проблем со здоровьем у меня не было, но проблема со стопроцентным прохождением комиссии была.

Одна. Но, учитывая мои мечты о ВДВ, довольно серьезная.

Дело в том, что одним из этапов медкомиссии была проверка вестибулярного аппарата. Тебя усаживали на круглый вращающийся стульчик с высоким шестом за спинкой. Нужно было закрыть глаза, держаться руками за подлокотники, и тебя начинали быстро крутить вокруг своей оси, вращая стульчик этим самым шестом.

Потом по команде нужно открыть глаза... и земля уезжает... а ты пытаешься не скатиться с нее, удержаться на плоскости... голова при этом клонится резко в сторону, противоположную «убеганию» земли.

И вот по тому, насколько твоя голова «уезжала», судили о состоянии твоего «вестибулярного аппарата». А это, понятное дело, один из параметров готовности к прыжкам с парашютом.

Так вот – моя проблема состояла в том, что всякие качели-карусели я ненавидел с детства. Особенно карусели – мне сразу «плохело», кружилась голова, подташнивало и всякое такое.

Но избегать такого рода развлечений проблема небольшая – я и избегал. Иногда приходилось, конечно, терпеть, когда уж совсем нельзя было «отмазаться», чтобы в грязь лицом перед ровесниками не упасть.

Но тут-то не отмажешься. А на кону исполнение мечты.

Короче, проблема серьезная. И подошел я к ее решению серьезно.

Зная дату «решающей» медкомиссии, я тренировался по собственной «методике». Заключение она в том, что я учился фиксировать положение головы относительно плеч, стараясь абстрагироваться при этом от окружающего мира.

С помощью этой уловки я рассчитывал ввести врачей в заблуждение.

И вот настал решающий день.

В очередной раз мы, несколько десятков 17-летних пацанов, пробежались в трусах по кабинетам.

В очередной раз развлекли друг друга многократно слышанными уже байками про молодую врачиху из военкомата.

Она, не глядя на призывника, спустившего по ее команде трусы, говорит, привычным движением ощупав его мошонку: «Давайте сюда!» И протягивает руку...

А он, не поняв, что ей нужна его медкарта, кладет ей в руку... ну, в общем-то, что как раз над мошонкой...

Не знаю, как и когда родились эти байки. Может, и повезло кому-то...

В нашем же военкомате были исключительно старые, очкастые тетки.

Правда, одно сходство с байкой было – на нас они вообще не смотрели.

Напишет что-то в карту, шлепнет печать и: «Следующий!» Конвейер...

Вот бы и везде так – но нет, в «том самом» кабинете врач как раз был до отвращения внимательным и разговорчивым.

– Ну, юноша, присаживайтесь. Как самочувствие?

– Нормальное.

– Как качку переносите? На самолете летали? Не тошнило?

– Нет, все нормально.

Это чистая правда. Другое дело, что летал я всего раз в жизни с мамой в Кишинев. Но ведь не укачало же. И не тошнило. И вообще понравилось...

А про качели-карусели скромно умолчим...

Тем более что и не спрашивает никто.

Он, очень по-деловому и привычно, пристегивает мои руки к подлокотникам кресла.

– Сейчас мы вас покрутим. Голову нужно опустить, прижать подбородок к груди, глаза закрыть. По моей команде голову поднимаем, глаза открываем... Это проверка вашего вестибулярного аппарата.

– Я знаю. Я в ВДВ хочу служить, так что в курсе...

– Ну, сейчас увидим какой вы десантник.

Так, сосредоточились. Забыли свои ощущения от каруселей. Не волнуемся. Делов-то – несколько секунд...

Началось...

Я состою только из плеч и головы...

Голова перпендикулярно плечам...

Как же я все это ненавижу. Как же противно сжимается где-то в животе и подкатывает к горлу. Так, спокойно, заканчивают крутить...

– Поднимаем голову! Открываем глаза!

Ох, куда же поехала земля!!!

Стоп – плечи, голова, перпендикуляр, смотрим «в никуда».

Его голос сквозь вату в ушах звучит удивленно:

– Молодой человек! Вы меня слышите? Вы что так напряглись? Все нормально?

– Да...

Это мой голос, что ли, такой напряженный?

Вроде бы у меня получилось. Или нет?

– Молодой человек, не надо так напрягать шею. Нам нужна ваша естественная реакция. Давайте еще раз.

Что?!? Еще раз? Блин, какой еще раз? Я усидел – все!

Хотя стоп – он же меня не поднял «пройтись».

Смог бы я? По-моему, нет.

На вторую попытку меня «не хватило». Как ни напрягал я шею и затылок – голова предательски «уехала» в сторону... «Пройтись» он даже не просит.

Все, провал... Блин, ну что ж так не везет, а? И что теперь?...

Он уже сел за стол, положил перед собой мою карту...

– Поднимайтесь, подойдите к столу.

Мне кажется, что в его голосе какая-то даже ирония.

– Вы сказали, что хотите в ВДВ. А уверены, что сможете?

Что? Я? Уверен? Да я не то что уверен, я железно уверен!

– Да, хочу! И уверен, что смогу.

Он на секунду задумался. О чем он там думал?

Не знаю и никогда не узнаю. Ни фамилии его не знаю, ни лица не помню...

Но только уверен – ангелы моей судьбы, те, которые знают, что написано у каждого из нас в книге жизни, успели что-то нашептать ему в уши...

– Ну, смотрите... Следующий!

И он отдал мне в руки карту, где в очередной графе было написано такое простое и такое важное для меня сейчас слово.

«Годен».

Годеи! Я годеи к ВДВ!!!

В этом коротеньком слове уже были заложены и прыжки с парашютом в ДОСААФ, и Фергана, и 56-я десантно-штурмовая бригада в Гардесе.

Этот неизвестный доктор вполне мог поставить крест на всем этом.

Мог изменить всю мою дальнейшую жизнь...

Но не сделал этого.

Спасибо, доктор!

Эпизод пятый. Военком

Я «годен». Сделан еще один маленький шагок в сторону Афганистана.
Но сейчас для меня важно другое: после медкомиссии часть из нас собирают в каком-то коридоре перед массивной, обитой дерматином дверью.

Видно, как раз тех самых, «стопроцентных»...

Табличка на двери гласит: «Военный комиссар Киевского РВК г. Москвы».

Теперь решать мою судьбу настала очередь полковника Мальцева.

Ну, не подведи, товарищ полковник!

По одному вызывают за дверь.

Кто-то выходит довольный, кто-то безразличный, кто-то грустный.

– Морфлот, блин... Три года, твою мать! А хотел в ВДВ...

Да, хреново дело – оказывается, радовался я рано.

– Шейнин!

Вот ведь ждал, когда вызовут, а все равно вздрогнул...

Ну, поехали!

Подобное чувство я испытаю через год, вздрогнув от резкой сирены, когда выпускающий откроет дверь Ан-2. А после следующей сирены по его команде нужно будет сделать несколько шагов к двери самолета...

А потом шагнуть из него в пустоту...

Но пока что моя главная задача – попасть в этот самолет.

Вхожу.

Большой «начальственный» стол. За ним крупный полковник и какие-то двое гражданских. Останавливаюсь метрах в полутора от стола.

Приглядываюсь, изучаю обстановку.

На столе стопка папочек. Личные дела?

Полковник берет одну сверху, читает.

Интересно, что там уже про меня написано?

– Вы признаны стопроцентно годным к службе. Где хотите служить?

– ВДВ.

Не отвечаю – выдыхаю эти три буквы. Сколько я ждал этого вопроса!

– Как отнесетесь к направлению вас в школу сержантов?

– ВДВ?

Блин, вот меня переклинило. То же мне, фанат...

Он улыбается краешком рта...

– Да. Сержантская школа воздушно-десантных войск.

– Я готов.

– Хорошо, идите. Через какое-то время вызовем вас на прыжки.

Он что-то написал карандашом на моей папке и отложил в сторону.

Ликование, с коим я вышел от военкома, светилось, видимо, на моем лице.

– Чего довольный такой?

– ВДВ, сержантская школа!

Наверное, скажи военком, что идти в армию нужно завтра – не задумался бы ни на секунду. Но пока он сказал только про прыжки, что ж, то же клево...

Впрочем, встретиться с военкомом снова мне пришлось еще до прыжков.

Не знаю, какие отметки он сделал на моем личном деле, но похоже мой «фанатизм» от него не укрылся. Во всяком случае, через месяц меня опять вызвали в военкомат. Я не сильно удивился, помня разговор про прыжки.

Но оказалось, что дело пока не в них.

– Вы изъявили желание служить в ВДВ. Вас решено отправить в сержантскую школу. А не хотите поступить в военное училище? Стать офицером ВДВ?

Признаюсь, вопрос застал меня врасплох. Военных в нашем роду не было. Во всяком случае, среди тех, кто не был для меня мифическим персонажем.

И сам я как-то о карьере военного и поступлении в училище не задумывался.

Учеба автоматически была связана для меня со временем после армии. С другой стороны, и однозначно отказаться то же вроде не было оснований.

– Вы написали в анкете, что увлекаетесь японским языком.

– Да, изучаю. Интересуюсь Востоком, особенно Дальним...

– А вы знаете, что в Рязанском училище ВДВ есть факультет референтов-переводчиков? Там как раз тоже изучают иностранные языки. В том числе и восточные Нет, этого я не знал. Персонажи моих любимых фильмов про десантников, при всем преклонении перед ними, как-то совершенно не ассоциировались у меня с изучением иностранных языков. Особенно восточных.

Вот Институт стран Азии и Африки при МГУ или Восточный факультет ЛГУ – понятно. Собственно, про них я и думал, но путь туда до армии был мне «заказан». А десантное училище?..

Неожиданно обнаружившаяся возможность совместить мои несовместимые, казалось бы, устремления – ВДВ и востоковедение – заслуживала внимания.

И после некоторых раздумий я согласился, оказавшись на некоторое время на другом «конвейере» – с другими анкетами и медкомиссиями.

Все их я успешно прошел – благо на «стульчаке» меня больше не крутили.

И так бы, наверное, и поехал я в июле поступать в Рязань, если бы не одна встреча – как теперь понимаю, тоже не случайная.

Эпизод шестой. Дядя Толя

Мы жили тогда в большой коммуналке в центре Москвы, и одними из наших «соседей» были мамина сестра с мужем и детьми. У ее институтской подруги муж был полковником ВВС.

Дядя Толя был единственным военным, кого я знал относительно близко. Но посоветоваться с ним по поводу «предложения, от которого не смог отказаться», я не мог – уже второй год он служил советником в Ираке.

Но надо же было такому случиться, что в апреле на вилле, где жили наши советники, взорвался баллон с газом, дяде Толе сильно обожгло лицо, и на лечение его увезли в Москву. И как раз в мае 83-го, когда я уже готовился к выпускным экзаменам в школе, он оказался у нас в гостях.

Естественно, я не преминул рассказать о своих планах.

К моему удивлению, дядя Толя отнесся к ним довольно прохладно:

– Артем, у каждого военкомата есть план «вербовки» курсантов в военные училища. Их задача – отправить тебя туда, а дальше ты их мало интересуешь. Поэтому не дают всю информацию. Ты ведь увлекаешься японским, так?

– Да, и они сказали, что в Рязанском училище ВДВ есть факультет референтов-переводчиков, где изучают и восточные языки.

– Правильно, есть такой факультет, изучают. Но ты же умный парень, подумай – много ли нужно армии десантников со знанием японского?

– Правильно, мало, если вообще нужны. А вот с китайским – много. И вот тебя с твоей анкетой, где ты написал про свой японский, именно на китайский и определяют. А потом поедешь куда-нибудь на Дальний Восток. Будешь сидеть в тайге, учиться башкой стены пробивать и ждать, когда тебя отправят выполнять «важное государственное задание». Тебе это надо?

Нет, это мне было не надо. Точнее, я как-то про такое не задумывался.

– И вообще, Артем, не спеши – армия такое дело, что тут с кондачка решать нельзя. Лучше иди, послужи. А не раздумаешь, так через год твой замполит тебя с радостью отправит поступать – у него тоже разнарядка есть.

Логика была убийственная и обезоруживающая.

Вот так в дело снова вмешались ангелы моей судьбы.

Почему я думаю, что и здесь не обошлось без них?

Потому что дядя Толя только через год должен был оказаться в Москве. Потому что если б не он, в Рязань я бы точно поехал и точно поступил.

И как бы дальше все сложилось – неизвестно. Из училища я бы выпустился только летом 87-го. И кто знает, куда бы распределили поначалу...

Нет, видно моя дорога в Афганистан должна была быть покороче.

И как раз мой отказ ехать в Рязань этому сильно поспособствовал. Не буду вдаваться в подробности неприятных объяснений в военкомате – для этой истории важно лишь то, что после мая 83-го про сержантскую школу разговор со мной больше не заводили ни разу. Не оправдал я доверия...

Более того, именно тогда на моем личном деле появилась литера «209 (б)».

Все последующие медкомиссии я проходил уже под этим кодом.

Знал бы я тогда, что это значит, – сильно бы обрадовался и успокоился.

Потому что команда «209 (б)» означала ВДВ-ДРА...

Но еще почти год мне предстояло пребывать в неведении.

Эпизод седьмой. Рома

Лето 83-го года запомнилось тем, что я встретил первого человека «оттуда».

Как и в три предыдущих года, я уехал на все лето рабочим в археологическую экспедицию. В отличие от предыдущих лет, когда ездили в Молдавию, на этот раз копали мы в Краснодарском крае, под Майкопом.

«Золото скифов» – так называлась потом выставка «накопанного» нами.

Но золото меня волновало мало. Намного важнее было другое – среди приехавших из Москвы таких же «землекопов», как я, был парень, по имени Рома, который в первый же день вышел на раскоп в солдатской гимнастерке с парашютиками в голубых петлицах. Естественно, мы тут же познакомились.

Довольно общительный, он про службу почему-то говорил неохотно.

Но я был настойчив и постепенно вытащил из него кое-что.

Рома пробыл в Афганистане около года в 82-м – потом желтуха, потом Союз.

По его отрывистым рассказам я окончательно убедился, что никакими школами и деревнями в Афгане никто не занимается.

Но и война представляла в них совсем не такой, как я ее всегда представлял.

Обстрелы колонн, подрывы на минах, гибель наших, ненависть местных...

– Там никому нельзя верить, они там все против нас, даже те, кто вроде с нами. Любой крестьянин ночью может оказаться душманом.

Про душманов я уже слышал. Читал в газетах, смотрел фильм Каверзнева, ставший для него последним, где так называли «врагов Апрельской революции». Но этих врагов я представлял как-то совсем иначе.

То, что среди них было много обычных крестьян, было странно и непонятно.

– Но ведь мы же за них воюем, чтобы им лучше жилось.

Рома был года на четыре всего старше, но в эти моменты смотрел на меня как на ребенка, спрашивающего о том, чего все равно не поймет...

– Не так все просто, Тема. Вот попадешь, не дай бог, сам поймешь.

Он знал про мои устремления и не особо их поддерживал, но и не отговаривал.

Знали про них и еще несколько мужиков из бригады, в которой я работал.

Те были постарше, уже отслужившие, к Роме с расспросами особо не лезли. Я для них был совсем еще пацаном, а афганская война – чем-то далеким. Надо мной больше прикалывались, чем воспринимали всерьез.

Как-то раз, в выходной, бородатый Саня Оценский сидел на крыльце дома, где мы жили. Я развлекался, метая нож в забор.

– Че, Тем, на душманов тренируешься охотиться?

Он вообще был балагур и весельчак и, как всегда, подтрунивал надо мной.

– Ну да, они там как раз такие – бородатые, вроде тебя...

Я подошел к крыльцу с ножом в руках, он зажал нож зубами.

Прижал согнутые руки к груди, как заяц лапы, – типа, «испугался».

Тогда я достал веревочную петлю из кармана – мол, сейчас «порешу»...

– Чего это вы делаете? – крикнула стоящая неподалеку Лола.

– Да вот, наш будущий десант в душманов играет, руку набивает!

– Ну, давайте запечатлеем для истории!

И запечатлела... Наверное, это фото можно считать первым в моем «афганском фотоархиве».

Был август, жизнь была прекрасна и удивительна, мы дурачились и шутили.

Саня даже представить не мог, как близки к реальности его шутки.

Через год в это время я уже буду в Афганистане... Оставалось совсем чуть-чуть...

Эпизод восьмой. Термез

До армии оставалось уже меньше года.

Но оказаться совсем рядом с Афганистаном мне пришлось намного раньше.

Причем «рядом» в буквальном, физическом смысле.

После Краснодарского края, где я был до конца сентября, вернулся на неделю домой, а потом снова укатил в другую экспедицию. На сей раз в Узбекистан, в Термез. Там предстояло работать на раскопках буддистского храмового комплекса XII–XIII веков.

Это было интересно само по себе. Но еще интереснее было то, что располагался этот объект, входящий в список памятников, охраняемых ЮНЕСКО... на территории погранзаставы.

Неделя, проведенная в Москве, ушла как раз на оформление допуска в погранзону. Меня удивило, с какой серьезностью этот допуск выписывали.

Только оказавшись в Термезе я понял, до какой степени мы окажемся в глубине погранзоны: наш объект располагался почти вплотную к колючей проволоке. За ней, метров через 200, – река, Сурхандарья. А другой берег был уже Афганистаном.

То есть, «отливая» в перерыве на колючку, я фактически «целился» в него. Это было забавно. И символично...

Я приблизился к Афганистану уже на расстояние взгляда.

Но символичным в смысле моего будущего было не только это.

Дело в том, что помимо расположения на территории заставы, в закрытой зоне, дополнительной «особенностью» этого памятника ЮНЕСКО было то, что располагался он в той части заставы, которая являлась... стрельбищем.

То есть холм, под которым находился храмовый комплекс, стоял у самой колючей проволоки, а перед ним располагались всевозможные мишени. И стрельба велась аккуратно в направлении холма. А он являлся естественным «пулеуловителем».

Поскольку прерывать на месяц процесс боевой подготовки никто не собирался, то стрельбы проводились с положенной регулярностью.

Поскольку происходили они днем, переждать их нам приходилось прямо на рабочем месте. За некоторое время до начала стрельб прибегал солдатик, сообщал, что скоро начнут, и мы укрывались за холмом. А со временем, по мере продвижения раскопок, стали спускаться в пещеры.

Стреляли одиночными и очередями, из автоматов и чего-то помощнее.

Поскольку, видимо, не все воины-пограничники были отличниками боевой подготовки, довольно много пуль со свистом летело и через холм, и по сторонам от него.

Так я впервые узнал, что такое свист пуль, летящих в твою сторону.

Я знал, что стреляли не по нам, но ощущение порой было не из приятных.

Судьба потихоньку продолжала готовить меня к скорому уже будущему.

До армии осталось полгода...

Эпизод девятый. Прыжки

В феврале 1983-го меня наконец отправили на прыжки. К тому времени я уж даже немного начал волноваться, не передумал ли военком.

Не решил ли в наказание «кинуть» меня с ВДВ.

Я же не понимал, что стоит за кодом 209 (б)...

Успокоенный, на 10 дней отправился в Волосово Чеховского района Московской области. Там находился один из аэродромов ДОСААФ.

Про сами прыжки рассказывать подробно не буду, не об этом сейчас.

Хотя, конечно, ощущения от прыжков с парашютом незабываемые.

Особенно от второго и третьего. Первый просто растворился в адреналине и восторге.

Получилось так, что прыгал я первым из 9 человек. И один...

Сирена...

– Встал!

Сирена...

– Пошел!

121, 122, 123. Кольцо, купол, «рыжая»....

Помню только, что пел во все горло, убедившись, что раскрылся купол. И чуть не забыл выдернуть эту самую «рыжую» стропу, чтобы не раскрылся еще и запасной парашют.

А вот голова так и не закружилась, даже при отделении от самолета...

Еще помню, как скорее хотелось каждый раз прыгнуть, чтобы избавиться от давившего на плечи тяжелого парашюта. Даже страх отступал.

Было холодно, и нам выдали теплые штаны и бушлаты – не повернешься...

Через полгода все то же самое повторится в Фергане. С той только разницей, что там скорее хотелось прыгнуть из-за жары.

В эти десять дней нам, присланным по линии ДОСААФ курсантам, инструкторы устроили некое подобие армии – подъем, зарядка, пробежка в морозной тьме.

Порой задалбывало и постоянно хотелось есть...

Запомнилась фраза нашего инструктора, Гены Желтова, сказанная, видимо, в том смысле, что здесь – это все цветочки:

– Вот в войсках вас научат Родину любить.

Потом я много раз сталкивался с тем, что в армии это выражение – синоним «гонять до потери сознания». Забавно...

Ну, в общем, да, научили, на всю жизнь... И спасибо «войскам»...

Жили мы в здании казарменного типа – двухъярусные койки в несколько рядов в огромном помещении без перегородок.

Правда, человек 20, и я в их числе, оказались в кубрике поменьше.

В большую часть казармы мы особо не ходили – вроде незачем.

Все равно все чужие. С кем познакомился – с тем и общаешься...

Да и в казарме мы оказывались, когда единственной мыслью было только заснуть поскорее. От холода, непривычной еды и обстановки умаивались сильно. Через пять минут уже только посапывание было слышно отовсюду.

Где-то там, в этом огромном, уставленном двухъярусными кроватями зале, через стенку от меня, спят и Саня Пахоменко, и Олег Никулин, и Валера Мищенко, и Петя Еремеев. И еще многие пацаны, с кем уже совсем скоро мы окажемся вместе в одном взводе, в одной роте и в учебке в Фергане и в 56-й ДШБ в Афганистане.

Кто-то скоро станет ненадолго моим товарищем. Кто-то – навсегда другом.

Мы уже совсем рядом, мы уже почти встретились.

Мы уже вместе идем по одной дороге, в одном направлении.

Туда, откуда кому-то из нас не суждено возвратиться...

Перед отъездом из Волосова, вручив нам значки и удостоверения парашютиста-разрядника, Гена как-то неожиданно посуровееет и скажет:

– А кто-то из вас попадет в Афган. Удачи, мужики...

Не знаю, что имел в виду наш инструктор. Какую удачу...

Тогда не знал, не понимал и не думал об этом.

Ведь для меня главной удачей как раз и было оказаться «там».

Эпизод десятый. Вася – «афганец»

До призыва оставалось всего ничего.

12 апреля меня вызвали в военкомат и вручили повестку на 23-е.

Как говорится, «с вещами». Пошел обратный отсчет дней – 10, 9, 8, 7...

А 14-го я получил еще одно «напутствие» судьбы в лице «афганца».

Причем в некотором смысле пришлось «повоевать» с ним плечом к плечу.

На этот день у нас с одноклассниками было намечено важное мероприятие.

А именно – драка в кафе, располагавшемся в здании кинотеатра «Октябрь».

Вкратце суть дела заключалась в следующем. За две недели до этого наша компания отправились туда отмечать день рождения двоих наших. Затея эта мне не нравилась с самого начала, потому как была чистой провокацией и вызовом – кинотеатр находился на территории, где «шишку держали» так называемые «Трубники», а мы считались со «Смоленки».

Противостояние было давним, и никто уже не знал, с чего начавшимся. Но, как часто бывает в подобных случаях, тем более непримиримым. Хотя, казалось бы, всего-то через проспект Калинина перейти...

Все последовавшее было настолько предсказуемо и неизбежно...

Нас сразу «заметили», не прошло и часа – задели, мы ответили, и... понеслось.

Поскольку местных было в разы больше, Капа, в первые же минуты «нападения», применил «психологическое оружие» – в голову одного из местных «вождей» полетела «навесиком» тяжеленная деревянная табуретка.

«Вождь» рухнул, и, воспользовавшись замешательством атакующих, мы бросились в «прорыв» в сторону выхода. Поскольку натиск наш был сосредоточенным и целенаправленным, в результате «прорыва» противнику был нанесен чувствительный урон, тогда как наши «потери» – относительно небольшими. В общем, вполне рядовой инцидент, каких между «смоленскими» и «трубниковскими» происходило множество.

Было одно «но». Вырубленный «вождь» противника оказался в больнице.

Весть об этом широко разнеслась по окрестностям, и «трубниковским» ничего не оставалось, как вызвать наглецов на «матч-реванш».

Никогда не любил эти бессмысленные и беспощадные развлечения и по возможности всегда от них уклонялся – драться «от скуки» казалось мне идиотизмом. Мне-то всегда было чем заняться...

Но тут о том, чтобы «отлынуть», не могло быть и речи.

Подготовка к «походу» была пугающе серьезной. Мало того что был задействован полный состав нашей школьной компании, человек 15, так еще каждый привлекал максимальное количество «бойцов» со стороны.

Половина наших ребят уже учились в институтах. И за год учебы там то же сформировались довольно дружные компании. Как ни странно, среди студентов желающих помахаться то же нашлось немало.

Уж как их «идеологизировали» наши, не знаю, но собралось человек 30.

Одним из «наемников» со стороны оказался Лехин однокурсник.

– Вася, мой однокурсник, десантник, служил в Афгане.

После этого представления вся эта дурацкая затея обрела для меня смысл.

Все время, пока мы «сосредотачивались перед выдвижением» во дворе перед школой, я старался по максимуму расспросить Васю о службе.

От него я впервые услышал слово «Гайжюнай» – там Вася был в учебке.

Меня немного расстроили его слова, что, кому учиться на механика-водителя или оператора-наводчика БМД, а кому – на командира отделения или разведчика, в Гайжюнае решают «как бог на душу положит».

С техникой я никогда «не дружил», и оказаться за рычагами БМД было бы для меня совсем печально. Пушка еще туда-сюда, хотя то же не очень вписывается в мои представления о службе в ВДВ, навеянные фильмом «В зоне особого внимания»...

Еще одно незнакомое слово – Баграм. Там стоял Васин парашютно-десантный полк...

На меня уже почти повеяло суровым афганским ветром, я уже почти погрузился в атмосферу засад и колонн...

И тут настало время «выдвигаться» нам самим.

Нас прервали мои боевитые друзья:

– Лопух, хорош грузить Васю, не для того собрались!

– Ну, это кто как. Мне это в сто раз важнее, чем ваши «казаки-разбойники».

– Ладно, пошли. Там договоришь, если успеешь, вояка.

Федор иронично улыбается – понимает, что «там» будет не до разговоров.

Местом для «реванша» был избран тот же бар «Октябрь».

К моему удивлению, несмотря на очередь желающих у входа, нас мелкими группками запускают в бар без очереди.

Капа с Федором что-то там говорят на входе. Похоже, сегодня все посетители в этом баре «не случайные».

Пока сидим за столиком, Вася успевает показать свой военный билет.

В графе «Участие в боевых действиях» написано об участии в боях с бандформированиями. Где – не сказано.

В графе награды – медаль «За боевые заслуги».

Мой военник тоже при мне – паспорт уже забрали в военкомате.

Только у меня пока все странички чистые...

Я смотрю на него как на пришельца с планеты, куда мечтаю попасть. Человека, который УЖЕ прожил то, о чем я только мечтаю...

Мне столько хочется спросить.

Но тут началось...

В горячке схватки я теряю его из виду. Нас все больше и больше оттесняют друг от друга. Драка распространилась уже на оба этажа и туалеты.

Постепенно она начинает все больше напоминать кадры из мультфильма «Маугли», когда волки поодиночке дерутся с толпой «рыжих собак». Нас меньше...

Не знаю, чем бы закончилось это «сражение», если бы не раздавшиеся крики:

– Менты, шухер!

Приезд ментов – как засуха в пустыне. Все схватки быстро утихают, и обе стороны дружно бросаются наутек. Впрочем, некоторые «локальные стычки» тут же вспыхивают вновь в сквере за кинотеатром и в ближайших дворах.

Но ментов, видно, понаехало немало, и постепенно дерущихся разгоняют.

Самое удивительное, что драка, длившаяся, как мне казалось, бесконечно долго, на самом деле заняла считанные минуты...

Когда через некоторое время мы собрались в одном из «наших» дворов уже на Смоленке, чтобы обсудить итоги «битвы», Васи там уже не было.

Так я и не успел больше ничего узнать про Афганистан на гражданке.

Эхо той «схватки» оказалось долгим.

Через год Руслан, служивший в Дагестане, напишет мне, что от одного «молодого» из Москвы услышал «легенду» про «погром, устроенный в апреле 84-го в баре «Октябрь» двумя соперничающими группировками.

Но через год все это будет от меня уже так далеко.

Я уже сам узнаю все, о чем не успел расспросить у «афганца-Васи».

Правда, по-прежнему не перестану удивляться, как долго всегда тянется время во время «схватки». Хотя на самом деле длится она порой считанные секунды...

Только и «схватки», и противники будут уже совсем другие.

И в той жизни потеряет смысл все бывшее важным и значимым в прежней.

До начала этой жизни осталась всего неделя...

Эпизод одиннадцатый. Проводы

– Ну-ну, попутного ветра, Лопух. Стране нужны герои!

Этот разговор у нас с ним вечный. Капа строит из себя циника, но я-то знаю, что в душе он просто завидует мне. У него проблемы со зрением, и попадет он куда-нибудь в связь или стройбат.

И Руслан, и Валера, и Димка тоже нередко подтрунивают надо мной, подпевая Капе. Но через полгода все они напишут рапорта в Афганистан.

Как и еще многие наши одноклассники и ровесники писали тогда.

И никого из них туда не отправят: как оказалось, стране НЕ нужны были герои.

Просто, в отличие от них, у меня есть какое-то предчувствие...

Именно предчувствие, не уверенность...

Я пытаюсь сейчас, рассказывая все это, передать, откуда, как мне кажется, оно проистекало.

Ладно, ждатель уже совсем немного. А сейчас мы с Капой идем за «бухлом» в знаменитые «Три ступеньки».

«Бухла» нужно много и разного.

Сегодня суббота, 21 апреля. Завтра мои проводы.

Собственно, начинаются они сегодня – в школьной столовке дискотека.

Ведет ее наш одноклассник, Арам, и потому мы, выпускники 83-го года, здесь по-прежнему желанные гости. Хотя и обязанные соблюдать общие правила.

Но сегодня все по-другому.

Дежурный педагог, математик Фунт, «не видит» сумок с «красным».

«Не замечает», как потихоньку затуманивается взгляд не только у нас, но и у некоторых нынешних десятиклассников, которые «корешатся» с нами.

У нас дружный класс, и наши первые проводы школа запомнит надолго.

А я – навсегда.

Сколько живу, буду помнить «подарок», который сделали мне тогда ребята.

Арам объявил, что в понедельник я ухожу и эта песня для меня.

Выключил свет в зале, оставил только прожектор.

И поставил «The Soldier of Fortune», мою любимую песню «Deep Purple».

Любимую с тех пор навсегда.

Мы с Женькой забрались на стол и начали танцевать.

Капа, Федор, Гаврюха, Димка, Славик, Валера, Руслан, Серега, Вовка и Леха подняли столик на плечи и так и держали до конца песни.

Арам осветил нас с Женькой прожектором, а мы танцевали, пили из горла шампанское на глазах у учителей и целовались на глазах у всех...

Уже нет в живых Капы, Гаврюхи, Димки. Редко приезжает из Америки Арам. Не особо часто видимся и мы, все остальные.

Но в тот вечер мы были братьями.

И в тот момент, когда на плечах своих друзей под звуки «Солдата удачи» я обнимал свою любимую, мое предчувствие стало почти уверенностью...

Так незабываемо и романтично я и простился с гражданкой.

Сами проводы почти не помню. С субботы мы уже не останавливались.

И к вечеру воскресенья я был уже вообще никакой.

Пожалуй, только две вещи прочно запечатлелись в голове.

В начале апреля я записал последнюю бобину для магнитофона.

«Альфа» была тогда одной из самых модных групп, только появившейся.

Самой популярной была их песня на стихи Есенина «Я московский озорной гуляка...»
Но на проводах меня «пробил» «Шторм»:

Шторм,
Волна за волной,
Шторм,
И паруса вой,
Но приказ есть дойти,
И нет другого пути...

В моей пьяной башке эти строчки отпечатались навсегда.
Дошли... Не все вот только...

Но мы, мы должны победить Иначе —
для чего на свете рождены?..²

Я знал, я чувствовал, что это были слова про то, что ждало меня впереди.

Если бы я знал, сколько раз и в каких ситуациях будут звучать у меня в голове эти слова
в следующие два года...

Второе, чем отложились в голове провода, – стол, уставленный мамиными беляшами,
пирожками, запеченным мясом, тортом «День и ночь». Моей любимой едой. Которую я так и
не поел в ту ночь, – только пил...

И запомнилось-то все лишь потому, что целый год этот несостоявшийся праздник живота
будет являться мне в голодном бреде молодого солдата. Как можно оставить нетронутой
СТОЛЬКО еды?! ТАКОЙ еды!!!

Но эти «кошмары» всплывут в голове позже.

А пока актуально только выпить.

Сегодня ночью во многих домах Москвы провода.

Проводы тех, кто уже этим утром станет командой 209 (б).

Кто-то прощается на два года. Кто-то навсегда...

Где-то в Тушине пьют за Валеру Мищенко.

Где-то на Соколе – за Петю Еремеева.

Где-то на Рязанке – за Олега Никулина.

А в Пушкино – за Серегу Сергеева.

Где-то на Авиамоторной второй раз в жизни пьет и впервые в жизни напивается Саня
Пахоменко. Он спортсмен – ему это вообще ни на кой.

Но – надо. Проводы...

Гуляем всю ночь...

Никто не расходится. Утром к 8.00 в военкомат.

Спать уже не имеет смысла. Пить больше нет сил.

Все тосты произнесены, все слова сказаны.

Пьяный ночной кураж сменяет похмельная утренняя тоска...

Магнитофон уже никто не слушает, но никто и не выключает – доигрывает до конца
трехчасовая катушка. В самом конце «дописки» – Михаил Гулько.

«Поручик Голицын» и еще пара «эмигрантских» песен.

Никогда не любил особо этот жанр, дописал, чтобы пленка не пропадала...

Но одна песня в апреле 84-го крутилась у меня часто...

---

² Авторы песни: С. Сарычев – музыка, А. Лукьянов – слова.

Бегут весенние ручьи,
И солнце в них купает ноги,
А мы сегодня все спешим,
Мы проклянем свои дороги...

Все, пора...
Друзья вываливают на лестничную клетку.
В прихожую выходит сонный пятилетний брат Лешка.
Тетка выносит на руках грудного Гришку – всю ночь терпел нас, бедняга...
Когда-то теперь я вернусь в эту старую прихожую нашей коммуналки?..
Да вернусь, вернусь. Два года всего...
Выхожу на лестницу, а из комнаты – Гулько, на прощание:

Ой ты, синее небо России,
Ухожу, очарован тобой,
А березки, как девки босые,
На прощанье мне машут листвою.

Как добрались до военкомата – не знаю. Шел вроде сам, но себя не помню.
Все выпитое за ночь разом ударило в голову...
Не знаю, почему так тянет выпить на проводах.
Напиться на два года цели нет – выпить я могу, но могу и не пить.
Страха особого я не испытывал, так что заливать вроде нечего.
И тоски вроде нет никакой – я ж хочу служить.
Да нет, все-таки тоска...
Я пойму это около военкомата, когда из окна отъезжающего автобуса на секунду увижу
сквозь пьяную пелену на глазах растерянное мамино лицо. Поймаю ее беспомощный, тревож-
ный взгляд.

Вот оно... вот то, что пытаешься залить, заглушить, загнать в глубь сознания.
И тут оно вырвалось оттуда на секунду, на мгновение...
Мама, мамочка, я не успел сказать тебе важных слов.³
До последней минуты все бодрился и хотел казаться веселым.
Тебе не нужно было мое геройство – ты и так все про меня знаешь...
Может, и потому, умирая, шептали пацаны: «Мама...»
Потому что, как и я, не успели сказать на прощание что-то простое и нежное.
Ведь мы все собирались вернуться к ним скоро... Живыми.
Но на секунду царапнуло и отпустило.
Скрылся за поворотом военкомат, друзья, мама.
Все. Закончилась одна жизнь. Началась другая.
Скоро узнаю, не обмануло ли меня мое предчувствие...

---

³ Автор песни: М. Звездинский – музыка и слова.

Эпизод двенадцатый. Туда!

Приехали на Угрешку, городской сборный пункт.
Пошарахался неприкаянно, нашел где-то место, присел – спать охота.
Часа через три объявили:
– Команда 209, строиться!
Вышли во двор, кое-как расползлись в несколько шеренг – все «мертвые».
Вояки, блин...
Но тут сон с меня слетел, как и не было.
К нашему неровному строю подошли майор и старший сержант.
И СЕРЖАНТ – В ГОЛУБОМ БЕРЕТЕ!!!
Все, полдела сделано! Насчет ВДВ можно больше не волноваться.
Но мало того – обращаю внимание, что лица у них обоих уже довольно загорелые.
А на дворе 23 апреля только. Солнышко-то у нас еще не светит толком.
Значит, что? Значит, откуда-то с юга они приехали.
А «южные рубежи» это у нас где? Правильно, ТАМ!!!
Пока я все это «просчитываю», майор успевает объявить, чтобы мы никуда не расходились, держались вместе. Потому что в любой момент можем выдвинуться в аэропорт.
Так и сказал – «выдвинуться». Так странно это звучало тогда.
Парни потихоньку расходятся, но двое задерживаются чуть дольше.
Один – это я. «Торможу», докручивая в голове свои логические цепочки.
Другой – высокий светлый парень, с абсолютно «отсутствующим» лицом.
Он, похоже, просто никуда не спешит.
Мне нужно поделиться с кем-то своим «открытием», и первый кандидат – он:
– По-моему, они откуда-то с юга приехали. Может, и из Афганистана – клево!
Но, судя по всему, моему визави глубоко по барабану и мои выводы, и мое радостное волнение по этому поводу. На меня смотрят абсолютно безразличные глаза. Какие-то даже бессмысленные.
Как птички...
Но рядом уже никого нет, а болтаться одному мне надоело, да и «прет» меня.
– Ладно, давай знакомится, меня Артем зовут!
– Александр...
Да, блин, немногословный товарищ. Ну, не беда, зато я «говорун».
– Пошли, Саня, попробуем узнать у сержанта, куда нас повезут.
Похоже, ему глубоко фиолетово, куда нас повезут. Но со мной Саня послушно идет.
Так судьба свела меня с первым в моей «новой» жизни человеком.
Почему судьба? Да потому что это и был Саня Пахоменко, Пахом, с которым мы скоро попадем вместе в Фергану, в одну учебную роту, в один взвод, в одно отделение.
Наши койки в казарме будут соседними.
Через три месяца мы оба попадем в первую отправку в Афганистан.
А в Гардезе в одну роту. Только Пахом в первый взвод, а я во второй.
Но жить все два года будем в одной палатке.
И даже в госпиталь в первый раз попадем почти одновременно.
А потом уволимся в один день и вместе вернемся в Москву.
Скажете, так не бывает? Бывает – как раз это и называется СУДЬБА...
Но пока ничего этого я не знаю.
Как и того, что «отстраненность» Пахома – следствие первого в жизни алкогольного опьянения. До этого все как-то больше на дзюдо налегал.

Впрочем, есть у его «спокойствия» и вторая причина. Саня то же хотел в ВДВ и понял уже, что это случилось.

А вот про Афганистан он просто не думал. Не то чтобы не хотел – просто не думал, и все. Прямо как знал, что уже все за нас придумано...

Но мне не сидится – нахожу «нашего» сержанта.

– Скажите, а куда нас повезут?

– Узнаешь скоро. Не положено это говорить.

Такой серьезный он, вроде как суровый даже. Оно и понятно...

– Ну а вот скажите – если у меня мать-одиночка, меня в Афганистан возьмут?

Этот вопрос уже давно не дает мне покоя – где-то услышал, что вроде есть такой закон, что единственного сына у одинокой матери в Афган не берут.

Сержант, похоже, не знает, но отвечает уклончиво:

– Это как командование решит.

Черт, да нет у меня уже сил ждать в неизвестности, когда оно там решит!

Наивный...

Оказавшись в Афгане, я узнаю, что таких, как я, там пруд пруди.

Даже в одном только нашем взводе и только из нашего призыва...

И Олег Никулин, и Вовка Мордвинов.

У Сереги Сергеева тоже нет отца, правда, есть старший брат.

Интересно, это командование так решило или просто и не задумывалось?

Правда, в моем случае я ему за это крайне благодарен. Но вот не уверен, что эту благодарность разделяли тогда наши мамы...

Уж не говорю про тех, чьи единственные сыновья не вернулись.

Хотя, кто принимает их в расчет? Война – жестокое дело, не до сантиментов.

Особенно если «воюешь» из генеральского кабинета в Москве.

В 1985-м отец Минжин, ставший вторым человеком в посольстве Монголии, на каком-то из приемов спросит одного из «больших» генералов:

– Почему вы отправляете на войну 18-летних мальчишек?

– Они представляют пока наименьший интерес для народного хозяйства...

Генерал ответит с военной прямоотой и очень удивится, что на глазах у монгольского дипломата появились слезы...

Он же не мог предположить, что дипломат одного такого мальчишку знает лично и это друг его дочери.

Но сейчас, в апреле 84-го, все эти проблемы очень далеки от меня.

А мысль о том, что государство может пожалеть меня, точнее, мою маму, просто убийственна и не дает покоя.

И еще целых двое суток не даст...

Часов в шесть вечера нас наконец вновь застраивают.

После переключки – в автобусы и через весь город, во Внуково.

Из аэропорта успеваю позвонить из телефона-автомата:

– Мам, я из аэропорта, летим в Ташкент. Куда дальше, пока не говорят. Но я уже точно попал в ВДВ! Не волнуйся, мам, все будет нормально!

– Да, сынок, я поняла. Ну, видишь, как все удачно складывается...

Она, похоже, так с утра и не отходила от телефона. Радуетя, конечно, совсем неискренне. Ох, как, наверное, НЕудачно все складывается для НЕЕ.

Мама-то не фанат ВДВ... И знает, где Ташкент и что там рядом...

Тема Афганистана у меня с ней табу – даже теоретически не обсуждаю. Но географию-то не отменишь. И мама знает ее.

– Все, мам, тут ребята ждут. Целую, привет всем!

– Ты позвони еще, если получится.
– Обязательно позвоню, мам! Пока! Не волнуйся...
Не позвоню я ей больше. Целых 27 месяцев не позвоню.
С самолетом повезло – мой любимый Ил-86. Большой, просторный.
В Ташкент прилетаем ночью, потом – на ж/д вокзал.
До утра ждем поезда на Фергану.
Кто-то из парней шарится по вокзалу в поисках переговорного пункта, но я «забил» – смысла не вижу еще ночью маму дергать. Да и денег не брал с собой – зачем?
Потом весь день в топке плацкартного вагона. Жарко, душно, пить охота. И спать...
Полдороги в каком-то сонном полубреду – то очнешься, то кемаришь...

Это Кара-Кара-Кара Кара-Кара-Кара-Кум
Это Кара-Кара-Кара – Кара-Кара-Кара-Кум...

У кого-то из парней гитара и песня эта сейчас как нельзя «в кассу».

Сто дней в пути наш караван,
А впереди опять бархан,
Еще бархан, куда ни глянь – везде песок...
Дул ветер злой, что было сил,
Палящий зной с ума сводил,
И каждый жил мечтой одной —
Воды глоток.

Проваливаюсь в знойное, похмельное забытьё... Это я проснулся или мне уже и во сне слышится?..

Это Кара-Кара-Кара Кара-Кара-Кара-Кум
Это Кара-Кара-КараКара-Кара-Кара-Кум...⁴

Вернувшись уже домой, как-то зимой услышал из ларька.
На улице зима, мороз – а у меня пот по спине...
А в голове стук колес.
До... Ферганы... еще... полдня... пути.
Полдня «гражданского» поезда. Полдня неясности и сомнений...
Целый поезд стриженных пацанов...
Мы еще не знаем, а нас уже всех «определили» в Афган.
Весь вагон, весь поезд, всю роту.....
Через два года на обратном пути в том поезде было бы много пустых полок.
Только под вечер в вагонах-Кара-Кумах посвежело.
Уже в темноте прибыли на станцию, вышли из поезда.
Опять построили (надо теперь привыкать к этим постоянным построениям).
– Мы прибыли на станцию Маргелан. Теперь до части на машинах. Садимся плотнее. По дороге не вставать.
Набились в «Уралы», тронулись. Сижу ближе к заднему борту, глазею.
Пейзаж чем-то напоминает термезский...
Тут от кабины передают по цепочке какой-то пакет:

---

⁴ Авторы песни: И. Саруханов – музыка, А. Монастырев, О. Писаржевская – слова.

– Сбрасываемся деньгами! Из кабины солдаты передали.

Началось, что ли? Пресловутая дедовщина?

Ну, хрен с ним, у меня все равно ни копейки. И было б, не дал бы...

Таких, как я, видно, немало. Через какое-то время пакет снова возвращается:

– Передали, что если не наберем больше – пожалеет потом в части!

Ну, пожалеет так пожалеет – теперь полгода много о чем жалеть придется...

Приехали...

Подходят двое из кабины в таких же панاماх, как в Термезе у погранцов:

– Вы че, салабоны охреневшие? Откуда?

– Из Москвы.

– А, ну все ясно, «шлангов⁵» привезли. Ну, вешайтесь.

Ладно, повеситься успею еще, а вот где у них, интересно, береты. Не понял...

До утра нас запирают в каком-то клубе. Только расположились кто на полу, кто на сцене, чтобы доспать, как с разных сторон через окна и через сцену начинают «просачиваться» какие-то солдаты. Словно тараканы из щелей.

Делаю вид, что сплю. Подходят.

– Слышь, часы давай.

– Нет у меня часов.

– Аденьги?

– И денег нет.

– Ну, давай махнем х/б на твою одежду. Тебе она уже долго не понадобится.

Пропускаю мимо ушей.

Как ни странно, погундосив еще немного про какие-то там «самоходы», воины отваливаются. Может, и не так страшно все, как говорили?

Засыпаю...

Утром нас выводит из клуба какой-то майор.

На некоторых пацанах вместо части своей одежды – старые х/б.

Майор обрушивается на них, словно на изменников Родины:

– Вот с чего вы начинаете службу! И какие из вас выйдут солдаты! Стыд!

Сколько раз я потом столкнусь с этим в армии – солдат виноват по определению. Даже если он еще и не солдат вовсе – все равно, уже виноват.

Останься в клубе хоть один офицер, и проблем бы никаких не было.

Впрочем, очень скоро это перестанет меня удивлять – привыкну.

А пока нас ведут куда-то по городу. Так странно видеть буйство зелени вокруг. В Москве-то даже почек еще на деревьях нет, а тут даже цветы какие-то цветут. А тепло-то как – красота! И запах, запах какой – благоухание просто!

Ну, уже неплохо...

Заходим на территорию части, идем мимо каких-то складов.

По ходу замечаю уже знакомые сооружения для отработки прыжков.

Отлично.

Солдаты, правда, все в панاماх, но эмблемы в петлицах десантные!

Через 15 минут точно такие же панамы, а также х/б, тельняшки и ботинки выдают и нам.

Переодеваемся прямо на улице.

Свою одежду сдаем – кому она, интересно, нужна теперь?

Вот и последнее, что связывало нас с домом, исчезло в темноте склада...

Остался только пакет с захваченными из дома конвертами и ручкой.

---

⁵ На армейском жаргоне – «лодыри», «бездельники, умело отлынивающие от трудностей»

Зато теперь на мне ТЕЛЬНЯШКА! Первый настоящий тельник в моей жизни! Интересно, когда дадут берет? Чтоб все, как у «красавцев»...

Правда, пока красавцами нас не назовешь даже с натяжкой.

Новые х/б топорщатся, торчат из-под ремня во все стороны, как юбка.

В панاماх все выглядят как клоуны. Непривычно...

И вот этой клоунской толпой нас опять ведут в клуб. На сей раз в летний.

На скамейках внизу уже сидят с десяток сержантов, ждут чего-то.

Рассаживаемся. С любопытством смотрим на них. Они – ноль внимания.

На сцене стол. За ним несколько офицеров – старлей, капитаны.

По одному начинаем подниматься на сцену, к столу.

Старлей с пышными светлыми усами смотрит куда-то сквозь меня:

– Фамилия?

– Шейнин.

– Гражданская специальность?

– Да никакой пока...

– Шестая рота! Следующий!

Спускаюсь со сцены. Невысокий, коренастый сержант окликает:

– Куда?

– В шестую роту.

– Сюда давай.

Подхожу. Возле него уже несколько пацанов – кого-то помню еще с самолета.

Почему-то у некоторых довольно грустный вид. Но сержант весел:

– Ну что, поздравляю! Через три месяца туда.

– Куда?

– Куда-куда – в Афганистан. В августе уже туда поедете.

Сколько я думал об этом, переживал, как ждал этого момента и боялся его. Но и представить не мог, что все свершится так просто и так буднично.

Воспитанное советскими фильмами сознание рисовало что-то вроде «Добровольцы, три шага из строя!». А тут...

Да ладно, хрен с ним! Зато теперь ВСЕ! ВСЕ!!!

Больше не о чем беспокоиться!

Свершилось! Я в ВДВ и через три месяца буду в Афганистане.

(Даже раньше, чем говорил Вася, – он в учебке пробыл полгода.)

Пока я обо всем этом думаю, парней рядом прибавляется.

И всех сержант встречает одной и той же фразой про «три-месяца и туда».

Интересно, это он сам придумал или установка была – «шоковая терапия»?

Теперь я понимаю, почему у некоторых такие кислые лица.

Хотя таких совсем немного... А может, и не об «этом» грустят?

Вскоре в нашу сторону направился и спустившийся со сцены Пахом.

«Приветствие» сержанта он воспринял совершенно невозмутимо.

С этой невозмутимостью Сане вообще повезло...

Даже Афган вошел в его жизнь без всяких волнений и переживаний.

Впрочем, и мои волнения по этому поводу закончились.

Предчувствие стало реальностью, и началась совсем другая история.

Позже я пойму, что в то утро, 25 апреля 1984 года, для каждого из нас началась и совсем другая жизнь.

Жизнь, в которой есть Афган.

Глава 2. Фергана

24 апреля - 3 августа 1984, 387-й учебный парашютно-десантный полк

– Товарищ майор, у меня было сотрясение мозга. Товарищ майор, у меня боли головные сильные. Товарищ майор...

Как он достал своими причитаниями, чадо. Только еще заплакать осталось...

– Товарищ майор, меня туда нельзя...

Над бетонкой ферганского аэродрома знойным маревом застыл горячий воздух. Жара такая, что в тридцати метрах все кажется уже миражем.

Но все реально – мы, «курки» 6-й учебной парашютно-десантной роты, попавшие в первую отpravку в Афганистан, выстроились в две шеренги в ожидании посадки в самолет.

Рядом с каждым на бетоне лежит импровизированный вещмешок, созданный из выданного нам новенького бушлата, в который мы запахали все выданное перед отправкой имущество – парадку, сапоги, берет и т. д.

Весь этот нехитрый солдатский набор – это все, что мы везем с собой в далекий и загадочный Афганистан. Все, чем щедро снабдила нас Родина.

А майор, к которому слезливо апеллирует наш поздно очнувшийся сотоварищ, прибыл за нами из Афгана и будет туда сопровождать.

Интересный персонаж, не совсем соответствующий моему представлению о суровом вояке: когда в учебном центре мы строим шли к «Уралам», на которых нас доставили в аэропорт, майор шел рядом со строем и... мяукал!

Да-да, мяукал! Хотя при этом ничто в лице его и мимике не выдавало этого. Что тем более повеселило всех, несмотря на смутную тревогу, с самого утра неумолимо заполнявшую собой все внутри.

Только что веселый майор, вдруг посерьезнев, произнес три-четыре дежурные фразы про «высокую честь» и «интернациональный долг». А потом вдруг спросил, есть ли среди нас такие, кто по каким-то причинам не может ехать для его выполнения в ДРА.

Вопрос, видно, тоже был «дежурным», чисто формальным, как и весь процесс нашего направления в Афганистан. Зачем-то нужно было создать видимость, что мы вроде как САМИ принимали сознательное решение там служить.

Где-то после месяца службы всю роту посадили в тот самый летний клуб, где недавно нас всех в эту самую роту распределили. Раздали по листку бумаги. И мы под диктовку замполита написали заявление, что просим отправить нас для прохождения службы в Демократическую Республику Афганистан. Дата, подпись.

Поэтому майор, задав вопрос, был немало удивлен, услышав вдруг столь бурную реакцию одного из будущих «интернационалистов». У него явно не было предусмотрено никаких вариантов реакции на подобный случай. И потому выглядел он растерянным и беспомощным.

Неожиданно все это было и для нас. Казалось бы, за прошедшие три с небольшим месяца нас уже полностью лишили способности на какие бы то ни было индивидуальные проявления. Мы стали массой, одноликим строем, готовым выполнять команды и распоряжения старшего по званию. А в этой жизни старше нас по званию были все.

И когда из нашего строя после вопроса майора вдруг раздалось жалобное бляение, мы удивились не меньше, чем он сам.

Парень был, в общем, ничем особо не приметный на нашем общем фоне. Разве что тем, что даже на стриженной под ноль голове уже явственно обозначилась лысина, а из-под тельника выбивалась к шее не по годам буйная, курчавая растительность. Может быть, от этого казался он старше нас. Как-то солиднее, что ли. Тем неожиданнее была его выходка...

Странное дело, за двадцать шесть лет черты многих из тех, с кем довелось пересечься по пути в Афганистан, стерлись и помутнели.

А этот – стоит перед глазами как сейчас. И ноет, ноет...

Раздражает не то, что он пытается отмазаться от Афгана, а то, что делает это так чмошно и нудно.

Отнюдь не все в этом строю горят желанием туда ехать. Как не горели желанием многие из тех, кто каких-то три месяца назад спустился со сцены летнего клуба, где их судьбу решили коротким и непонятным пока – «Шестая рота!»...

Три месяца всего прошло, а уже трудно поверить, что было что-то до этого. Какая-то другая жизнь, с гражданскими проблемами, переживаниями.

Смачно произнесенное коренастым сержантом «три месяца, и туда» как острый нож отрезало все предыдущее, сделав его незначимым и неважным.

И предельно четко обозначало ближайшую жизненную перспективу: ТУДА – это был Афган.

Эта неприятная для одних и столь радостная для других перспектива была настолько контрастной, что проведенные в ожидании нее и подготовки к ней три месяца учебки превратились во что-то вроде чистилища. Слишком явственно ощущалось постоянно это наше временное, переходное состояние.

Наверное, так чувствует себя пациент, которого долго готовили к сложной операции, наконец повезли из палаты в операционную, но на некоторое время оставили в предбаннике перед ней.

Ты не очень понимаешь, что тебя ждет за этой дверью, но чувствуешь, что что-то очень серьезное. А пока лежишь и смотришь в потолок, на стены. Пытаешься как-то собрать в кучу нервно разбегающиеся мысли...

Потом, после долгой и тяжелой операции, тебе непросто будет вспомнить, о чем ты думал, что чувствовал в этом «чистилище» перед операционной. Хотя, возможно, от того, собрался ли ты с мыслями, настроился ли на нужную волну, зависел и итог всей операции.

Пожалуй, именно так лучше всего описать мои ощущения от трех месяцев ферганской учебки, 387-го учебного парашютно-десантного полка.

Нервные, отрывистые, не очень связные, но очень пронзительные.

Столько событий, людей, переживаний случилось за последующие два года войны, что рассказ о ферганской учебке можно было бы сократить до минимума. Но почему-то кажется, что без него «мой Афган» будет неполным...

Если попытаться описать мое ощущение от Ферганы одним словом, то, пожалуй, самым подходящим будет «удивление». Вероятно, дело в том, что в самом начале службы я еще не научился искать во всем смысл и логику. И удивление мое было порой столь острым, что не притупилось до сих пор....

Тем более что на многие из вопросов, которыми я задавался в эти три месяца, я так и не нашел до сих пор ответа. И не уверен, что когда-то найду.

Потому что, боюсь, не было ответов и у тех, кому я тогда внутренне задавал свои вопросы.

Эпизод первый. «Гуляка»

Уходил я в армию под «Шторм» А здесь, уже в армии, меня снова догоняет «Альфа». Теперь уже с «Гулякой».

Я московский озорной гуляка,
По всему Тверскому околотку.
В переулке каждая собака
Знает мою легкую походку...⁶

У одного из наших – аккордеон. Зачем он его в армию попер, не знаю... В музыкальной школе учился. Видно, «прикипел» очень к инструменту. Ну, в армии и аккордеону найдут достойное применение... В нашей шестой роте «взъёб-дренаж» частенько проходит под музыку. На местном новоязе это разновидность занятий сержантов с курсантами, главная цель которого – не научить нас чему-то полезному, а вымотать до крайней возможной степени. А лучше до НЕвозможной.

Нередко это наказание за что-то, для всей роты.

Такое правило – провинился один, но расплачиваемся все.

Коллективная ответственность – очень действенное средство для выработки коллективизма и ответственности.

Но нередко такие «тренировки» – просто способ нас чем-то занять, при котором сами сержанты не особо напрягаются.

Причем очень часто в таких занятиях либо смысла нет вообще, либо он не очевиден.

Например, «держание крокодильчика». Проводится либо индивидуально, либо для всей роты (взвода). Руками хватаешься за переднюю спинку кровати, ногами – в заднюю. Тело выпрямляешь на весу. И держишь как можно более параллельно койке. Держишь, пока не прозвучит команда «Отставить!», не дождавшись которой почти всегда кто-то, не выдерживая напряжения, опускает ногу, упираясь в койку. Что автоматически обнуляет все предыдущие усилия остальных его товарищей.

Все по новой...

Самое смешное, что это преподносится сержантами исключительно как способ физического наказания, своего рода издевки. И не только преподносится, но и совершенно очевидно только им и является.

А ведь само по себе упражнение **ОЧЕНЬ** полезное – укрепляет как раз те самые мышцы, которые необходимы в горах.

Чтобы выдерживать многочасовые восхождения.

Чтобы таскать в горы тяжеленный РД.

А нас всех это ждет – мы же точно попадем в Афганистан.

Но при такой «подаче» сержантами весь положительный эффект пропадает. Мало кто может сам додуматься, что, издеваясь над ним, его при этом закаляют.

Но если «крокодильчик» имеет хоть какой-то, пусть скрытый от всех смысл, то любимое нашими сержантами мероприятие лишено его напрочь. Заключается оно в том, что вся рота должна быстро выбежать из казармы и ровно построиться перед ней. Это высокоэффективное средство подготовки будущего бойца десантно-штурмовой бригады в 6-й роте изобретательно совмещено с эстетическим воспитанием.

---

⁶ Самое смешное, что это

Сергея Тихонов, ставший в армии, естественно, Тихоном, сидит со своим аккордеоном у входа в казарму первого и второго взводов на стуле и наяривает «Гуляку».

А мы, восемьдесят человек «курков», выбегаем из казармы строиться. Выбегаем, по мнению сержанта, недостаточно быстро.

Или строимся недостаточно ровно.

И все по новой, снова и снова...

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгlistом,
Отчего прослыл я шарлатаном,
Отчего прослыл я скандалистом.

– Отставить, рота! В казарму, на исходную, бего-о-о-ом марш!
Забегаем назад в казарму, и все по новой: «Строиться, рота!»

Я ношу цилиндр не для женщин,
С глупой страстью в сердце жить не в силах,
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золота-овса давать кобыле.

А что – у нас же куча времени для подготовки в Афганистан.

И всякой ерундой типа огневой, тактики, ориентирования, топографии и так далее мы еще заняться успеем.

Но для этого нужно сначала научиться выбегать и строиться...

На – двадцатый раз сержантам надоедает, и они вносят в наши музыкально-строевые занятия некое разнообразие.

Теперь строиться мы выбегаем с согнутыми перед грудью руками, по типу цирковых собачек, бегающих по бордюру арены на задних лапах с поджатыми передними.

А «задние лапы», в смысле ноги, высоко поднимаем на бегу в коленях.

– Строиться, рота!

Я московский озорной гуляка
По всему Тверскому околотку
В переулке каждая собака
Знает мою легкую походку...

Нас в роте чуть не треть москвичей. Правда, все больше не с «тверского околотка». В основном «попроще» районы, а если центр – коммуналки...

Те, которые с Тверской, тогдашней улицы Горького, все гуляют и дальше будут гулять. С этой улицы редко кого призывают, а уж тем более сюда...

Их-то польза для «народного хозяйства» генералам вполне ясна и очевидна...

А мы – отгуляли уже свое...

Мы – задолжали Родине...

Нас ждет Афган.

Теперь вот учимся порядку и дисциплине...

Со стороны, наверное, и впрямь забавно – восемьдесят солдатиков, как дрессированные цирковые песики, бегают туда-сюда из казармы.

Сержантам весело, нам уже все по барабану...

Собственно, ввести нас в это состояние и есть, по-моему, главная задача учебки...

Хотя мне до сих пор непонятно, кто и как формулировал и формулировал ли вообще эту задачу. Одно я знаю точно – до наших сержантов эту задачу явно забыли довести.

Потому что парни-то они были сами по себе нормальные.

И подготовлены были в сержантской школе в Гайжюнае неплохо.

И научить нас могли намного большему, чем выбегать строиться.

И хотели научить, во всяком случае, некоторые.

И сами, уверен, в Афган рвались после сержантской школы своей.

Это ведь я именно туда, в Гайжюнай этот, должен был попасть поначалу-то, пока меня к «афганской команде» не приписали, в наказание, что план по набору в военное училище военкому сорвал.

Неужто и я бы таким стал, попади, не дай бог, сюда вместо Афгана сержантом, готовить туда других?

Неужели никак нельзя было без всего этого «цирка с собачками» обойтись.

Хотя знали ведь они – через три месяца на войне мы окажемся.

На реальной, а не придуманной.

А офицеры?

Офицеры, среди которых в нашей роте половина УЖЕ в Афгане побывали? Уж они-то точно знали, что нас там ждет в десантно-штурмовых-то бригадах.

И чему нам научиться нужно, чтобы шанс иметь живыми вернуться.

Так почему?

Почему те же офицеры на все эти забавы сержантские сквозь пальцы смотрели?

Почему я за три месяца своего взводного толком в лицо не успел запомнить, так «часто» он со взводом занимался?

Помню только, что лицо совсем мальчишеское было, даже не брился еще, по-моему.

Хотя про него как раз мне все понятно – он-то в Афгане еще не был.

И уже знал, что скоро там окажется. Это я понял спустя несколько месяцев, возвращаясь из госпиталя в свою часть, в Гардез.

Увидел его в Кабуле на пересылке: – еще в парадке, значит, только прибыл...

Ну ладно, он. Не до нас ему уже было – на свою войну он готовился. И сам не знал, вернется ли. Куда уж там про нас думать. (Кстати, так и не знаю, вернулся ли... Очень надеюсь на это...)

Но другие-то? Ведь боевые были мужики – у ротного «Красная звезда», у командира второго взвода – тоже. У замкомроты «За отвагу».

Они-то что?

Зачем столько времени потеряли мы на всякую херню под «Гуляку»?!

И кто знает – может, и не хватило кому-то из пацанов наших чего-то, чему он в это время не научился.

Не хватило, чтобы добежать, доползти, укрыться, увидеть или попасть...

Нет у меня ответа, нету...

И не найду уже – не спросишь теперь у пацанов-то...

Но вот «Гуляку» я с тех пор разлюбил...

Как-то не «веселится» мне под нее теперь.

А тогда, в мае 84-го, бедняга Тихон, ни в чем на самом деле не виноватый, этим «Гулякой» подпортил себе репутацию. Мы-то бегаем, а он сидит, музицирует...

Может быть, и из-за этого то же родился позже слух, что, мол, Тихон в Афган не попал. Вроде, как дед у него генерал оказался, отмазал внука, и тот так до дембеля где-то на аккордеоне и наяривал.

Ну, у нас еще таких несколько в роте было, за кого «словечко молвили».

Так что и не удивились мы вовсе...

Тогда ж все, кто мог своего сына от Афгана отмазать, – отмазывали...

Да и не только тогда.

И не судья я им. Будь у моей мамы возможность – и она, думаю, не задумываясь, меня в Афган не пустила.

Слава богу, что не было...

Послесловие

В прошлом году, на 2 августа, подходит к нашей толпе из 56-й ДШБ какой-то мужик.

На вид вроде постарше нас.

Глаза такие...

Тяжелые глаза...

Берет, тельник под белой рубашкой, на рубашке – медаль ЗБЗ...

– Парни, с Джелалабада есть кто?

– Да мы гардезские все... А какие годы?

– 1984 – 86, весна...

– О-па, а где в учебке был?

– Фергана, шестая рота...

– Да ну? Мы то же...

Мы с Пахомом начинаем приглядываться, и вдруг возникает какое-то смутное предположение....

Но он нас опередил.

– Помните, я на аккордеоне еще играл?

– ТИХОН?!!

– Ну да, я...

– ОБАЛДЕТЬ...

Обнялись, расцеловались, и первый вопрос:

– А помнишь «Гуляку»? Помнишь, как мы бегали...

– Да, блин, забудешь такое. Думал, вы меня глазами в пыль сотрете...

– Ну и как, че ты с аккордеоном-то дальше?

– Нету больше аккордеона. Подорвались мы с ним на боевых...

Так и сказал: «мы с ним». Как про товарища. Как про вчера... Вот так, спустя большие двадцати лет, узнали мы о судьбе нашего «Гуляки»...

Эпизод второй. «Я иду тебе навстречу»

... Июнь. Жара. Мы уже отпрыгали положенные три прыжка с парашютом, и теперь только тактика, тактика, тактика.

Каждое утро выходим за город и до одури бегаем или ползаем по поросшему жесткими колючками громадному полю...

В обед – пешком назад в часть.

Усталые, исцарапанные, потные, пыльные...

Какой же тяжелый мой пулемет ПК, какой же неудобный...

Это на тактике в поле у меня преимущество – с ПК не надо ползать по-пластунски, только на боку да еще опираясь на пулемет.

А парни-то со своими автоматиками да РПК на пузе все занятие проползали.

Зато теперь все тащат «пушинки» АКС, а мне ПК отбил уже все ноги.

Грустно смотрю вниз на свои ботинки – эту пыль теперь, похоже, никогда не отчистить...

Входим на территорию полка...

И вдруг «Синяя птица»:

Я иду тебе навстречу росными лугами,
Радость падает на плечи желтыми утрами.
Знаю, ждешь меня ты где-то у любви во власти,
Посреди цветов и лета, посредине счастья.⁷

В плотном, знойном ферганском воздухе словно повеяло ветерком.

Ветерком откуда-то из той жизни, которая была еще так недавно и которой, кажется, никогда больше не будет.

А будет только бритва «улыбка» по утрам – фирменный прикол ВДВ, когда недобритые неумелой рукой волосинки под носом зажимают пружинистой шпилькой от парашютного прибора и выдергивают. Ты дергаешься от боли, но вроде как «улыбаешься».

Или пресловутое «Закончить прием пищи, выходи строиться!» – а мы только успели зайти в столовую и разложить в миски воду с капустой...

Или «крокодилчик» перед отбоем.

Все эти маленькие радости армейской жизни, благодаря которым, видимо, из нас и предполагается вырастить грозу и гордость Вооруженных сил.

Они сейчас – реальность.

Все, что было до этого, кажется сном. Да и было ли оно?

Было ли такое, что и для нас звучали эти песни?

Я иду тебе навстречу по лесистым тропам,
Зажигает листьев свечи золотистый тополь.
Он так ярко зеленеет и звенит листвою,
Чтобы встретиться скорее нам пришлось с тобою.

О чем подумали, кого вспомнили в этот момент идущие рядом пацаны?

Не знаю. И никогда не узнаю – каждый прячет это глубоко в себе, внутри.

Там, куда не добраться на утреннем осмотре ни Рыбе, ни Бобру, ни Путе.

Наши сержанты могут только отобрать и порвать письма из дома, найденные в карманах.

---

⁷ Авторы песни: Ю. Антонов – музыка, В. Дюнин – слова.

Последнюю ниточку, связывающую нас с «той» жизнью.

Хотя нет уже никакой «той» жизни, есть только эта, где ты – «тело»...

– Эй, тело, ко мне бегом, марш!

Да нет, есть! Есть!

Где-то там, под х/б, под тельником, внутри живет что-то светлое, чистое, неподвластное хозяевам нашей теперешней жизни.

Да, мы «тела», но в нас все еще живы души.

И вот этого у нас не отобрать...

Не знаю, не знаю, как описать это чувство.

Светлая грусть? Тоска по дому? Полет мечты?

Нет у меня таких слов – описать это.

Да и нужно ли – кто может, тот поймет и без слов...

А кто испытал – не забудет...

Уж не знаю, случайно ли так получалось или специально ставил в одно и то же время эту песню клубный радист, но только весь июнь возвращаемся мы с занятий под «Я иду тебе навстречу»...

Каждый день идем мы под нее навстречу Афгану.

Шаг за шагом, он все ближе и ближе.

Мы еще пока только «играем» в войну. Только готовимся к ней.

Но она уже потихоньку дает себя знать.

Вот сержант читает нам письма наших предшественников.

Тех, кто до нас держал здесь «крокодилчика», выбегал строиться, пел от восторга под раскрывшимся куполом парашюта, обдирал в кровь колени на тактике.

Тех, кто, как и мы, устало и понуро входил в полк и оживал, услышав ту же песню. Кто прошел перед нами навстречу войне.

Они в Афгане всего полгода, но уже пишут о чьей-то гибели.

А ведь этот пацан из «нашего» отделения.

Кто-то из нас спит сейчас на его койке и таскает его автомат.

И скоро нам туда же, где он погиб.

Вот кто-то из них присылает в письме листок с текстом «афганской» песни.

От зимы до зимы здесь жара и туман,
Лезут в гору ЗИЛы, надрывая кардан,
Автоматы в руках, передернут затвор,
Не остаться в горах – хоть молись на мотор.⁸

Правда, «афганские» только слова – мелодия-то знакомая.

Причем неожиданно знакомая...

«What can I do?» – так пели в одном из своих хитов конца 70-х «Smokie».

«Нет, я не жду», – вторили в альбоме русских перепевов западных хитов «Веселые ребята».

«Водки найду!» – куражась, переделывали мы припев их песни.

Но это там, на гражданке.

А здесь у этой песни другой припев и другой «перепев»

Афганистан, Афганистан,
Письма редко приходят отсюда домой.

---

⁸ Слова и музыка народные.

Афганистан, Афганистан,
Не одна мать-старушка зальется горячей слезой.

В письме однокласснику пишу:

«Учи аккорды «What can I do?», Гаврюха. Есть хороший новый текст. Вернись – споем...»

Теперь «вернись» для нас уже наполнено другим смыслом...

Скоро, скоро нам туда, где уже гибнут наши предшественники из 6-й УПДР.

Хотя многие пишут домой про Германию, про Монголию.

А в голове у каждого:

А в родимом краю уж сады расцвели,
Там тепло и светло от родимой земли,
Ждите, девушки, нас, мама вытри глаза,
Мы ведь живы еще, мы вернемся назад...

И день за днем – тактика, тактика, тактика...

Эпизод третий. «Уносишь ты меня, скажи куда...»

В июле нас на несколько недель вывозят в горный центр в соседнюю Киргизию. В ту самую Ошскую область, где уже много лет регулярно делят что-то друг с другом Киргизия и Узбекистан.

Мы славно налазались по горам. И уже чуть лучше представляем, что ждет нас в очень скором уже теперь будущем.

Можно сколько угодно рассказывать про горы и можно даже вполне представить себе, как трудно, должно быть, лезть по склону с рюкзаком, набитым камнями. Но, только оказавшись на этом склоне реально с реальным рюкзаком с реальными камнями, ты понимаешь, что все твои прежние знания и представления о горах ничего общего с реальностью не имели.

И какой бы романтикой ни было окутано твое представление о войне, хоть раз забравшись на этот склон, ты даже задумываться боишься, как это будет, когда сверху в тебя еще кто-то станет стрелять.

Это нереально себе представить. Потому что и без всякого обстрела ты «умираешь», не добравшись еще и до середины склона.

В горном центре наши «взьебдренажи» наполняются все же куда большим практическим смыслом, чем в полку. Более того, все мы сейчас с удовольствием хоть сто раз пробежались бы под «Гуляку» и хоть с утра до ночи бы строились.

Но этим блаженным мечтам никогда уже не суждено сбыться. Потому что в полк мы больше не вернемся.

После горного центра мы окажемся в своих казармах только для того, чтобы привести их в порядок и устранить следы запустения, вызванного нашим отсутствием. Сразу после этого практически всех нас увозят в учебный центр.

Он расположен сразу на выезде из Ферганы. Недалеко от аэродрома, с которого взлетали наши Ан-12 во время прыжков, и за тем бесконечным полем, где мы занимались тактикой. То есть нас как бы просто вывозят из полка за город.

Учебный центр – это большая одноэтажная казарма, столовая, клуб и еще несколько каких-то зданий, назначение которых мне не очень понятно.

Как поначалу не очень понятен и смысл нашего здесь пребывания.

Тем более в составе одной роты.

Странно и то, что после полка и горного центра дрючат здесь ощутимо меньше. Но это радует. Как радует и то, что радист местного клуба – похоже, брат близнец того, что в полку. Фанат группы «Синяя птица».

Только песня любимая у него другая.

Каждый день по несколько раз над расположившимися в намертво выжженной солнцем степи казармами раздается:

Ах, белый теплоход, гудка тревожный бас,
Печалит за кормой сиянье синих глаз,
Ах белый теплоход, бегущая волна,
Уносишь ты меня, скажи куда?

Впрочем, очень скоро становится ясно, зачем мы здесь.

На самом деле этот «учебный центр» что-то типа чистилища перед отправкой в Афганистан.

Пока что – только для нашей 6-й роты.

От двух других рот батальона она отличается тем, что в полном составе отправляется в Афганистан уже спустя три месяца.

Все, как обещал тот самый коренастый сержант в конце апреля.

А это и был старшина нашей роты Малышев. Не обманул...

Через несколько дней начнутся отправки.

Уже витают в воздухе незнакомые, чужие и непривычные пока названия Гардез, Желалабад, Кандагар.

Именно в этих афганских городах находятся десантноштурмовые бригады и батальоны. И именно туда вскоре отправимся мы все.

Кому куда выпадет. Кто в какую отправку попадет.

Нам пока все равно: Гардез, Желалабад. Кандагар.

Для нас это пока ничего не говорящие чужие названия.

Скоро, скоро станут они родными навек.

Через несколько дней судьба разбросает нас по Афганистану.

Через несколько дней – на войну, куда мы несколько месяцев готовились.

А пока нам выдали кучу новых, непривычных и ненужных нам сейчас шмоток: шинели, бушлаты, парадки, шапки.

Казалось бы, на дворе конец июля, жара под 50...

Зачем?

Но мы уже знаем – в армии нет слова «зачем?». Есть слово «надо».

И мы погружаемся в довольно непривычные занятия.

(Как вскоре окажется – и совершенно бессмысленные.

Но, опять же – мы в армии. Надо, значит – надо...)

Макая в хлорку спички, мы «клеим» все это хозяйство, старательно выводя на изнанке свои фамилию и инициалы.

Все «нулевые» вещи, которые мы сумеем довести до бригады, навеки сгинут в ротной каптерке, и мы никогда больше с ними не встретимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.